

На правах рукописи

ШАЙХИТДИНОВА Светлана Каимовна

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО
И «СИТУАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА»
(Эволюция феномена отчуждения)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Казань - 2004

Работа выполнена в Казанском государственном университете
на кафедре философии

Научный консультант:

доктор философских наук
профессор ЛЕБЕДЕВ Алексей Борисович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук
профессор ИОНИН Леонид Григорьевич

доктор философских наук
профессор КУТЫРЕВ Владимир Александрович

доктор философских наук
профессор ТАЙСИНА Эмилия Анваровна

Ведущая организация – Саратовский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского

Защита состоится 23 декабря 2004 года в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д.212.081.16 в Казанском государственном
университете им. В.И.Ульянова-Ленина по адресу: 420008 г.Казань,
ул.Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 215

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Казанского государственного университета

Автореферат разослан ноября 2004г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

ГИЗАТОВА
Гульназ Казбековна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью разработки иных оснований, иной направленности критического дискурса информационного общества.

Вопрос о том, что есть общество, как оно должно быть организовано, чтобы обеспечить наиболее оптимальные возможности для существования людей, возник не сегодня. В различные периоды истории мыслители и социальные реформаторы, подвергая критике существующее положение вещей, предлагали свои версии ответа. Последние отвергались или проходили испытание, становясь частью стихийного процесса общественной модернизации. Современность обострила поставленный вопрос, придав ему форму осознанного эпохой модерна конфликта между социальным детерминизмом и стремлением человека к полноте реализации его сущностных сил. Во второй половине XX века с началом информационной и телекоммуникационной революций был найден новый «ответ» на бросаемые человеку вызовы со стороны динамично развивающейся социальной реальности. Этим ответом стали концепции информационного общества. И хотя существует и критическое отношение к теории «третьей волны», следует признать, что основная часть исследований, практических мероприятий и социальных проектов в этой области освещена верой в преобразующую мощь средств связи. Одна из видимых причин такого положения дел обусловлена тем, что магистральное направление этих исследований находится в области интересов государственной политики и национальных экономик. Иначе говоря, само социально-философское осмысление проблемы человеческого существования в мире коммуникаций оказалось в сфере притяжения социальной системы.

Между тем, многое из того, что воспринимается сегодня как освобождение от застарелых противоречий жизни, на деле оборачивается их радикализацией. Медиа сегодня - это инструмент для ведения информационных войн, «промывки мозгов» и манипулирования общественным мнением. В этом нам видится проявление рационализма развития цивилизации, противостоящего индивидуальному бытию. Отличие времени становления информационного общества от предыдущих периодов истории заключается в том, что развитие рационалистического *сознания* во многом благодаря массированному воздействию средств связи опережает развитие рациональных оснований общественного *бытия*. Действительность конструируется целерациональностью.

Вследствие прогрессирующей медиатизации жизни в сферу влияния социальной системы теперь активно вовлечено пространство семиозиса: процессы технологизации, коммерциализации перекинулись на творимые с помощью медиа значения и знаки. Другим, не известным доинформационной эпохе способом агрессивного наращивания тотальности системы, стало активное вовлечение в медиа-отношения детей и подростков. Сорок лет назад представители Франкфуртской школы констатировали поглощение средствами массовой информации мыслей людей. Сегодня предметом притязаний индивидуализированных медиа является уже не только мысль, а вся духовно-практическая сущность формирующегося индивида. Таким образом, наблюдаемое расширение сфер предметности, вовлекаемых в социальные отношения, во многом изменило характер конфликта между человеком и системой. Известные версии критических теорий, нацеленных на разрешение противоречий индустриальной эры, в новых условиях обнаруживают свою несостоятельность.

Назрело время для концептуальной разработки не только иной направленности метакритики, иных ее оснований, - должны измениться и ее «движущие силы». Критическая теория новейшего времени не может в полной мере рассчитывать на реальные протестные движения, которые были бы в состоянии преобразовать общество, не только потому, что история исчерпала возможности, связанные с действиями политически-практического характера. Решающее значение имеет то, что в информационную эпоху изменилось существо феноменов отчуждения: перед ними все оказались равны. Лишаются прежнего смысла понятия «элита», «гегемон», «аутсайдеры»... Медиа-пространство, по существу, представляет собой экстериоризированную средствами информации и коммуникации сферу сознания. В виртуальном мире отчужденного духа нет иных ниспровергателей утверждающегося системного порядка кроме самосознания вовлекаемых в этот мир индивидов. Таким образом, наступление информационной эры вывело в разряд актуальнейших проблему индивидного самоизменения. Сохранение человеческого в человеке – это и есть то, «в обоснование чего» должен, на наш взгляд, осмысливаться прежний и нынешний социальный опыт.

О степени разработанности темы. Медиатизации различных сфер жизнедеятельности и ее последствиям посвящен большой объем публикаций. Интернет-сайты постоянно обновляют сведения о проходящих по данной теме научных дискуссиях. Направленность этих дискуссий в целом задана теориями информационного общества, которые начали складываться во второй половине XX века. В

их основе можно выделить два наиболее четко выраженных концепта: постиндустриализма-глобализма (от Д.Белла, М.Маклюена до Г.Шиллера, М.Кастельса, М. Прайса и др.) и модернизма-постмодернизма (Ю.Хабермас, Э.Гидденс, У.Бек, Ж.Бодрийяр, З.Бауман и др.). В первом случае в качестве приоритетных выделяются экономические и технологические критерии общественного развития. Во втором – на передний план выдвинуты культурные изменения в жизни социумов, происходящие в том числе под влиянием растущей значимости социальной коммуникации.

Эти, а также многие другие работы, круг которых может быть расширен в силу нестрогости самого понятия информационного общества, воссоздают достаточно подробную картину современного состояния общественного и индивидного бытия. Однако следует признать, что, хотя в последние десятилетия западное обществознание и демонстрирует замечательные образцы влияния метода феноменологии на подходы к социальной реальности (Ю.Хабермас, П.Бергер, Т.Лукман, З.Бауман), общая – объектоцентристская – направленность социальных исследований продолжает быть приоритетной. Основополагающим при этом остается термин «информация», который наращивает свое понятийное содержание прежде всего в глобалистско-синергичных моделях действительности, в которых действуют не люди, а медиа-организации и информационные процессы. Картину дополняет отказ от эссенциалистских подходов к культурно-исторической реальности: переход от одной формы общества к другой рассматривается скорее как данность, а не как процесс, со свойственными ему внутренней логикой и противоречиями. Попытка же антропологического противостояния теоретической традиции социологизма-позитивизма зачастую оборачивается субъективизмом: индивид по отношению к обществу предстает либо в виде беспомощной жертвы, либо в виде «супермена», который, в свете идей философии конструктивизма способен навязать собственную волю любым обстоятельствам.

Фактически социально-философская репрезентация общественной сущности человека отделена от проблемы его индивидного существования. Термин «информационное общество» только усугубляет эту ситуацию. Причина видится в том, что его понятийное освоение началось на Западе с одновременным ослаблением идей марксизма. Одним из серьезных последствий кризиса исторического материализма стало отдаление социального знания от диалектического метода в подходах к действительности, что сказалось прежде всего на новоявленных теориях «третьей волны». Данное обстоятельство и

вызываемые им разночтения в определении научных дефиниций, - таких, как «информация», «коммуникация», «медиа» и пр. - препятствуют формированию критического дискурса новейшего времени: вместо того, чтобы участвовать в преодолении существующих в обществе заблуждений, научное знание провоцирует и поддерживает их.

Те же тенденции проявляют себя и в отечественной науке. Демонстрируя гетерогенность предметной сферы и многообразие подходов к ней, исследования по медиа наших специалистов (см. работы В.М. Березина, М.С.Вершинина, Е.Е.Данилова, А.И.Донцова, Я.Н.Засурского, Л.М.Земляновой, А.И.Подольского, В.Д. Мансуровой, Л.В.Матвеевой, И.С.Мелюхина, Л.Г. Свитич, С.И. Сметаниной, Э.В. Чепкиной и др.) также обнаруживают отсутствие единой концептуальной основы в понимании онтологических проблем грядущей информационной эры. Однако положение дел усугубляется еще и тем, что отечественные гуманитарии в сравнении с западными коллегами ориентированы, как правило, на иную мировоззренческую и теоретическую традицию, связанную с наследием В.И.Вернадского, В.С.Соловьева, Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, П.А.Флоренского и других русских мыслителей. Философия космизма с концепцией ноосферы, проникнувшись напряжением эсхатологии христианства, если и обостряет понимание сущности происходящего, то не содержит в себе приемлемого для большинства ответа, как от такого понимания перейти к изменению существования. Провоцируемое этим обстоятельством отступление от диалектического метода выражается в данном случае в утрате методологических «мостков» при взаимопереходах от антропогенных процессов макроуровня к опыту повседневности, от вершин духа – к профанному индивидуальному бытию. Свою роль сыграл здесь советский период, когда идеологизация общественных наук практически лишила гуманитарное знание аналитического зрения там, где нарождались, закреплялись и развивались новые формы социальности.

Таким образом, в западном и российском обществоведении проблема существования человека в мире коммуникаций и тенденции развития социумов представляют собой разномасштабные явления. Обнаруживается подчас парадигматическая несовместимость подходов, ориентированных на социальное познание и на гуманитарное. В связи с этим перед нами встала задача объединения в одном исследовательском дискурсе темы индивидуального бытия человека в мире медиа и темы информационного общества в качестве *равновеликих* проблем онтологии общественного бытия.

Проблема исследования формулируется нами как проблема существования двух измерений действительности – «системы» и «жизненного мира». Основным инструментальным понятием при этом стало понятие отчуждения - отчуждения родовой сущности человека от его существования. Понятийное отражение противоречия сущности и существования нами видится в словосочетании «ситуация человека». «Ситуация» в нашем понимании суть не «вот это отношение»; «ситуация» репрезентирует некое аналитически нерасчлененное конкретно-историческое бытование проблемы человека.

Критике подлежит ситуация, в которой человек как субъект автономного действия и свободной воли лишается возможности брать на себя ответственность за содеянное. В эпоху индустриального общества, как известно, предметом критики выступали отношения, определяемые уровнем развития производительных сил, тотальностью технологизировавшейся системы, агрессивным развитием которой обусловлено формирование «частичного человека». В эпоху формирования основ информационного будущего в поле критики должны быть включены формы сознания, ставшие частью этой тотальности.

Методология исследования определяется комплексом методов, базирующихся на трудах теоретиков марксизма, Франкфуртской школы, феноменолого-экзистенциалистских подходов к проблеме человека.

Тема информационного общества актуализирует вопрос о таком возрастании значения ментальных и мыслительных актов, когда они все чаще и активнее выполняют роль социального действия. Этим объясняется *перемещение фокуса исследования на содержание эпохального сознания*, эволюция которого рассматривается как часть диалектического процесса исторического развития общественной сущности человека. Формы сознания предстают как конкретно-исторические версии эпохального сознания, а эпоха – как длящийся во времени результат воздействия определенного рода и сочетания различных объективных факторов – экономических, социальных, гносеологических и пр. Эпохальное сознание – это интегральная характеристика своего времени, находящая воплощение в особенностях метафизической установки, анализ содержания которой осуществляется нами с опорой на М.Хайдеггера.

В качестве исследовательского избран дискурс модерна, трактуемого как «незавершенный проект». Отчуждение, понимаемое как опредмечивание, является неизбежным условием развития социальной (родовой) природы человека, однако именно в эпоху модерна

феномен отчуждения характеризует деформированный способ существования. В работе *актуализируется феноменологический аспект концепции отчуждения*. Его терминологическое воплощение осуществлено через используемые Ю.Хабермасом понятия «система» и «жизненный мир», трактуемые нами как две стратегии смыслополагания. Конкретно-исторические формы их сочетания порождают феномены отчуждения, которые рассматриваются нами с опорой на труды Гегеля, Маркса, М.Вебера, Д.Лукача и их последователей, а также представителей фрейд-марксизма, экзистенциализма, современных теоретиков модерна.

Эпоха, для которой характерен радикальный разрыв с традицией, что лишает ее образцов и вынуждает черпать нормативность из самой себя, не может осознавать себя иначе, как через противоречия. Это означает, что «критическая теория», или «критический дискурс», является неотъемлемой частью более общего дискурса модерна. Здесь возникает вопрос о границах критики. В предлагаемом исследовании этот вопрос относится к разряду процедурных – он решается каждый раз заново, исходя из предмета критики. При этом нами разводятся понятие разума как фактора закономерного развития рациональных оснований культуры и понятие рассудка, олицетворяющего «инструментальный разум», однобокий рационализм. *Пути снятия отчуждения и самоотчуждения человека рассматриваются в единстве с законами диалектики*. В нашем случае речь идет о диалектике субъекта и объекта в социальном пространстве: в той же мере, в какой мир принадлежит человеку, человек принадлежит миру.

Диалектический подход в сочетании с методом историзма позволяет *объединить на общей концептуальной основе «классический» и «неклассический» образы рациональности*, запечатленные в различных ликах эпохального сознания, частью которого является направленность научного теоретизирования. В рамках классической картины мира, актуализирующей чувственно-сверхчувственную предметность товара, рассмотрены институциональные отношения средств массовой информации и легитимирующая их концепция масс-медиа, которая базируется на теории социального действия. В рамках неклассической картины мира, когда возрастает значение информационно-знаковой предметности, рассматриваются феномены, рожденные коммуникациями новой волны. Характеристика изменения метафизической установки осуществляется при этом в том числе на примере постмодернистской теоретической рефлексии (труды представителей постструктурализма).

«Классичность» и «неклассичность» предметности и соответствующих им форм сознания оценивается как проявление «парадигмы силы», господствующей в конкурентном обществе, в котором приоритетны отношения власти и собственности. *Движение к «постнеклассичности» рассматривается как эволюция трактовок способов моральной регуляции.* Проблема сочетаемости социального и этического знания анализируется через обращение к трудам Э.Ю.Дюркгейма, К.Апеля, Х.Ортеги-и-Гасета, отечественных мыслителей. Разделяемые нами в целом положения теории коммуникативного действия Ю.Хабермаса не исчерпывают методологическую задачу морального регулирования медиа-отношений. Ключевой остается категория ответственности, которой дискурс модерна придает драматическую остроту ответственности за судьбы человечества. Развиваемая на этой основе трактовка медиа-этики информационного будущего основывается на трудах теоретиков экзистенциализма.

Объектом исследования выступают формы эпохального сознания, определяющие «ситуацию человека» в период формирования информационного общества. **Предмет** исследования – роль медиа в процессе отчуждения сущности человека от его существования.

Цель диссертационной работы - исследовать, какую роль играет медиатизация общественной жизни в исторической эволюции феномена отчуждения и самоотчуждения человека в современном и постсовременном обществе. Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- обосновать выбор дискурса модерна в качестве наиболее оптимального исследовательского дискурса в анализе проблематики, связанной с формированием информационного общества;
- на избранных позициях произвести критический анализ существующих подходов к объекту исследования;
- выявить особенности проявления феномена отчуждения и самоотчуждения человека в дискурсе модерна;
- осуществить выбор критериев сравнительного анализа раннего («классического») и позднего («неклассического») модерна, чтобы проследить на этой основе эволюцию феномена отчуждения и роль в этом процессе средств коммуникации;
- рассмотреть изменения в социально-философском осмыслении этого феномена в условиях виртуализации реальности;
- обосновать необходимость утверждения медиа-этики в качестве ведущего фактора в преодолении отчуждения как деформированного способа существования;

- обозначить существующие подходы к этической регуляции информационных отношений для выявления сущностных характеристик медиа-этики как основы морали информационного будущего и основания критического дискурса новейшего времени.

Научная новизна диссертации состоит в следующем.

1. Впервые в отечественной литературе проблема информационного общества представлена в дискурсе модерна в качестве целостного концептуального исследования - *модернизация средств коммуникации* последовательно рассмотрена как процесс, находящийся в коэволюционном соотношении с логикой исторического развития *модерного сознания*, формирование которого началось в эпоху Просвещения.

2. Осуществлен отсутствовавший методологический переход от прикладного уровня знаний об информационно-коммуникационных процессах к уровню философского обобщения тенденций социального развития.

3. Рассмотрен феномен медиатизации действительности в единстве ее технологических и социальных проявлений.

4. Определена доминирующая тенденция общественного развития, выражающаяся в том, что прогресс в области средств коммуникации в эпоху модерна выступает основной движущей силой неизбежного превращения картины мира в киберпространство.

5. Эксплицировано основное противоречие информационной цивилизации, формируемой в недрах конкурентного общества, выражаемое в проблеме отчуждения и самоотчуждения человека.

6. Прослежена эволюция феномена отчуждения и самоотчуждения человека от «классической» к «неклассической» картине мира.

7. Выявлена генерализующая форма воплощения отчуждения сущностных сил человека информационного общества на современном этапе, предстающая в образе медиа-пространства.

8. Тема индивидуального существования человека в мире медиа и тема информационного общества рассмотрены в качестве равновеликих проблем онтологии общественного бытия.

9. Медиа-этика обосновывается как путь эмансипации сознания общественного человека от тотальности социальной системы в постнеклассическом обществе.

Положения, выдвигаемые на защиту:

1. Современный образ информационного общества является составной частью «парадигмы силы» - потенциально агрессивного сознания, деформированного односторонним рационализмом. Процесс

рационализации, «тотализации» сознания находится в коэволюционном отношении с процессом модернизации общества. Поэтому необходима выработка новейшей версии критической теории с иными концептуальными основаниями, нежели те, что были сформированы в раннеиндустриальный и позднеиндустриальный периоды истории.

2. Генезис содержательного наполнения понятия «информация» в его современном значении необходимо вести с наступления «времени картины мира» (М.Хайдеггер), когда стал утверждаться приоритет сосредоточенности на «внешней» стороне сущего. С факта начавшегося отчуждения просвещенческого самосознания от мира как «творения Божьего», с факта противопоставления человеком себя так называемой «объективной реальности» был запущен механизм развития цивилизации, с неизбежностью ведущий к формированию общества, которое принято называть информационным.

3. Отчуждение, понимаемое как опредмечивание, сопровождает всю историю формирования общественного человека, однако именно эпоха модерна превращает этот феномен в свой метафизический принцип. Только при активной модернизации общества так интенсивно институционализируется пространственно-временное отчуждение человека от локальных контекстов его жизни, растет его масштаб, тогда как снятие отчуждения происходит на индивидуальном уровне, благодаря компенсаторной функции сознания.

4. Средства коммуникации новейшего времени, делая возможным «подключение» отдельного индивида ко всему человечеству (М.Маклюен), способны снять остроту противоречия между «системой» и «жизненным миром», между сущностью и существованием индивида. Однако, будучи вовлечены в отношения власти и собственности, они способствуют воспроизводству общества как тотальности, активно вытесняя из медиа-пространства людей как свободных самодетерминируемых существ. Гипостазирование феноменов отчуждения в «медиа-симулякрах» привело к тому, что сегодня «картина мира» обрела черты киберпространства - информационно-знакового инобытия человека, диктующего ему свои правила.

5. Эволюция феноменов отчуждения, их распространение из телесно-вещного мира на мир виртуально-знаковой предметности изменяет и представление о путях снятия отчуждения: на передний план выводится опыт сознания. От этого опыта зависит, какие формы социальности станут доминирующими. Информационное общество - это одновременно и «система» и «жизненный мир». Такое «двойное измерение» человека – его «микро-» и «макроуровни» - способен охватить, снимая отчуждение между ними, только феномен

морали в ее антропологическом толковании. Преодоление «парадигмы силы» видится в обращении к проблеме индивидуального самоизменения.

6. В эпоху радикального модерна созданы предпосылки для освоения индивидами медиа-этики как элемента практики «коммуникативного разума», включенного в «парадигму понимания» (Ю.Хабермас). В то же время нравственное отношение не может ограничиваться отношением *Я-Ты*. Роль, которую играют сегодня средства коммуникации, обращает нас к предельным перспективам человеческого существования. Реализация в обществе способности индивида к моральной ответственности за Другого, а также за судьбы человечества, за самого себя в качестве способа бытия формирует медиа-этику, которая способна стать основой морали информационного будущего, а также концептуальным основанием критического дискурса новейшего времени.

Научная и практическая значимость работы. Исследование служит дальнейшему освоению непопулярного в социальных науках, но необходимого и востребованного в современной ситуации теоретического направления, базирующегося на положениях постнеклассической рациональности. Утверждаемая нами феноменологизация подхода к явлениям и феноменам общественного бытия, которые принято интерпретировать в контексте структурно-функциональных системообразующих отношений, способствует разворачиванию критического дискурса, способного объединить в одну концепцию факты, находящиеся в ведении различных, а иногда и конфликтующих между собой, парадигм. Предлагаемая в диссертации методология позволяет обратиться к *генезису* наблюдаемых в мире коммуникаций явлений, что обогащает теоретический анализ изучением механизмов социальной преемственности.

Критический дискурс, контуры которого намечены в данной работе, нацелен на преодоление наблюдаемой сегодня дезантропологизации не только социального и гуманитарного знания, но и практики коммуникационных отношений. Данное исследование может послужить методологической основой для выработки информационной политики в России переходного периода, для перемещения такого рода политики из дискурса идеологии, в котором ее идея в настоящее время рассматривается, в дискурс культурологического и философского анализа. Выводы исследования полезны для осуществления долгосрочных прогнозов относительно тенденций развития информационного пространства и его роли в социализации человека.

Материалы диссертации могут быть использованы в разработке ряда университетских курсов на факультетах журналистики и философии, а также для концептуализации образовательных программ при подготовке и переподготовке специалистов в области массовых коммуникаций.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре философии Казанского государственного университета и рекомендована к защите. Концепция работы и основные выводы отражены в монографии, статьях, опубликованных в том числе в таких изданиях как «Вестник Московского университета» Сер.10. (1992. №6. С.83-86; 2002. №4. С.25-51); «Социально-гуманитарные знания» (2004. №5. С.327-338); «Вестник Воронежского государственного университета» (2004. № 2. С. 132-148).

Идеи исследования разрабатывались и проходили апробацию в ходе участия автора в долгосрочных грантовых проектах, таких как: «Развитие преподавания социальной теории и социологии культуры» - три проекта по программе «Темпус-Тасис», включая «Joint European Project» (1995-2001); «Региональный центр по защите прав прессы и журналистов» (Институт «Открытое общество» - Фонд Сороса, 1997-1999); «Российская журналистика в формировании гражданского общества» (Фонд «Евразия», 1998-1999); «Разработка методов диагностики толерантности в СМИ» в рамках Федеральной Программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2002); «Укрепление независимых СМИ в России» («Тасис», 2003-2004).

Результаты работы неоднократно представлялись на кафедре журналистики Казанского университета, обсуждались на методологических семинарах, на всероссийских и международных конференциях и чтениях. В их числе ежегодные научно-практические конференции работников образования и практиков в области массовых коммуникаций: «Кому коммуникаций на ф-те журналистики МГУ (январь-февраль, Москва); а также принадлежит культура?» (21-22.05.1998, Казань); «Роль прессы в формировании в России гражданского общества» (23.04.1999, Москва); «СМИ России: рынок и информационная безопасность» (23-24.10. 2000, Москва); международная конференция в рамках Фестиваля прессы «Россия 2001», (28-30.05, 2001, С.-Петербург); Международный конгресс «300 лет российской газете. От печатного станка к электронным медиа» (26-27.10. 2002, Москва); VII международная конференция «Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал» (12-13. 05. 2004, Екатеринбург) и др. С использованием положений исследования автором организова-

ны и проведены многочисленные обучающие семинары для практиков СМИ. К примеру: «Чрезвычайная ситуация на страницах газет: сенсация или социальная проблема? (По следам события)» (март, 2002, Казань); «Раскрепощенная журналистика»: как играть по правилам? (Типичные профессионально-этические затруднения журналистской практики)» (15.04.2003, Казань); Роль журналистики в формировании гражданского самосознания (18.05.200, Казань) и др.

Выводы диссертации используются в работе автора в качестве заведующего кафедрой журналистики в совершенствовании журналистского образования, при подготовке авторских курсов по специальности, при написании учебно-методических пособий и пр.

Структура исследования. Диссертация изложена на 303 страницах, состоит из Введения, трех разделов, в каждом из которых по две главы, Заключение и Библиографии, включающей 190 источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, дается критический обзор литературы по теме, формулируется проблема, определяется цель, задачи, объект и предмет, выдвигается гипотеза исследования, характеризуется его методология и структура. Здесь же обозначены позиции, выдвигаемые на защиту, определена новизна проделанного труда, его теоретическая и практическая значимость, отмечено, как работа проходила апробацию.

Первый раздел «ВЫБОР ДИСУРСА: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПОСЛЕДСТВИЯ МОДЕРНА» посвящен обоснованию концепции исследования. Отмечается, что соотнесение «информационного общества» с «последствиями модерна», отсылающими к одноименной книге Э.Гидденса, может создать ощущение дисгармонии от сведения воедино не стыкующихся друг с другом категорий. Понимание под «модерном» неких форм организации социальной жизни, появившихся в Европе примерно в XVIII веке и впоследствии так или иначе охвативших своим влиянием весь мир, переносит фокус внимания на процессы, которые в терминологии классического обществознания могут быть названы «надстроечными», в то время как «информационное общество» принято рассматривать как результат «базисных» изменений. Однако сама эта «нестыковка» подходов в осмыслении информационного будущего и является проявлением имманентных современному сознанию противо-

речий. Их содержание рассматривается в **Первой главе «Проект информационного будущего как воплощение противоречий самосознания эпохи»**. *Первый параграф «Логическая гомогенизация категорий: от мифа к идеологии»* начинается с критики эвристического потенциала парадигмы постиндустриализма, которая рассматривается как воплощение позитивистски ориентированного сознания, поддерживаемого верой в технический прогресс. Отмечается, что дискурс модерна, смягчая этот объективирующий рационализм, расширяет поле изучаемых механизмов социально-исторической преемственности. Теория модерна сосредоточена на «вечных» вопросах современности, размышления над которыми особенно актуальны в предверии информационного будущего. Информационное общество, с нашей точки зрения, нельзя рассматривать иначе, как признавая смысловое равенство двух его начал – темы бытия мира и темы бытия-в-мире. Очевидно, такой подход оправдан по отношению к любому явлению. Однако на информационной фазе развития человечества вопрос о наличии или отсутствии такого подхода приобретает драматическое звучание: уже сегодня «индивидуация мира», транслируемая медиа по глобальной сети, имеет для него – мира – формативные последствия.

Другая группа аргументов в пользу обращения к дискурсу модерна обусловлена тем, что последний термин является смыслопорождающим по отношению к такой дефиниции наших дней, как постмодерн. Обращение к вариантам прочтения теории постмодерна на Западе и к тенденциям его использования в России, убеждает, что у нас новоявленное мировидение может ассоциироваться разве что с настроениями «неприкаянности», «оторванности от почвы», мифологизации действительности. Эти настроения наложили отпечаток и на стиль научного теоретизирования ряда отечественных авторов по искомой теме. Приводятся примеры того, как понятия «коммуникация», «информационные войны» экстраполируются на всю историю человечества без учета их исторической обусловленности, их «прописки» именно в современности.

Третья группа аргументов обращает нас к такому явлению эпохи модерна как идеологизация социального знания. Рассматривается, как спонтанный процесс гомогенизации категорий захватил понятие «информация»: под видом информационной концепции мира фактически утверждается идеология глобализма.

Второй параграф «“Онтология небытия” как радикализация исторического сознания» посвящен разбору социальных и гносеологических предпосылок формирования «онтологии небытия», ока-

завшей существенное влияние на формирование концепций информационного общества. Фактически речь идет о размежевании двух диалектически связанных исследовательских направлений – «философии бытия» и «философии становления». В дискурсе модерна они олицетворяют собой разрыв пространственно-временного континуума: темпоральность выступает на передний план перед пространственными характеристиками бытия, «разжижая» последнее так, что возникает ощущение его исчезновения. В действительности эти направления не должны быть парадигматически замкнуты, поскольку олицетворяют собой две взаимообусловленные стратегии культурного развития – «постепенный прогресс» и взрыв» (Ю.М.Лотман).

Рассматривается, почему цивилизованный мир 60-х годов XX столетия отдал предпочтение «взрывной» динамике, предполагающей радикальный разрыв с прошлым. Проблема самообоснования эпохи, согласно теоретикам модерна, сказывается прежде всего на его отношениях с историей – с необходимостью определения в ней места прошлого, настоящего и будущего. Модерн открыл себя будущему в том смысле, что оно теперь утратило свой хронологический смысл: оно рождается сегодня. Исходным пунктом модерна становится актуальность, которая может конституировать себя лишь как точка пересечения времени и вечности (Ю.Хабермас). Эпохе придается мессианский масштаб и связанное с этим напряжение в переживании профанной реальности. Однако самосознание модерна постепенно теряет свою напряженность, что и произошло накануне информационной и телекоммуникационной революций. Это были годы очевидного поражения марксистской идеологии, годы поклонения маоизму и советского застоя, годы карибского кризиса, молодежного бунта и сексуальной революции, первых полетов в космос и поисков новых идеалов. «Исчезновение материи», констатированное на уровне микро- и макромира (следствием этого в физике можно считать зарождение теории относительности, волновой и квантовой теорий, теории информационного поля) наложилось на впечатление от «исчезновения» «социальной материи», что требовало выхода на мировоззренческие представления и их дальнейшей концептуализации. Жизненная сила культуры должна была восполниться радикальным историческим мышлением, которое и явило свой лик в лице «философии становления». Цивилизованный мир, утомленный поиском движущих сил исторического процесса, вдруг замер перед открывшейся перспективой: написание Истории с большой буквы теперь становилось делом новейшей физики, кибернетики и информатики.

Обращение к научной литературе по искомой теме подтверждает тезис о том, что проблема «бытия-небытия» – это проблема самосознания эпохи, переживающей период социальных кризисов. На примере теоретической эволюции известной идеи «порядок – из хаоса» делается вывод, что элиминация «бытия» из картины мира сказывается в первую очередь на теориях среднего уровня. Таким способом санкционируется вторжение в социальное знание формальной логики, происходит его дезантропоморфизация.

Во **Второй главе «От картины мира к киберпространству»** излагается авторская версия трактовки существующего понятия «информационное общество». Утверждается, что его нынешнее содержание есть, по существу, результат радикализации культурного сознания, которое определенным образом позиционировало себя с началом эпохи Просвещения. Само наступление этой эпохи, будучи следствием известных экономических предпосылок, знаменовало собой развитие обстоятельств, при которых формы мышления начинают играть гораздо более значимую роль, чем прежде, и эта роль год от года становилась все существеннее. Причины такого положения дел анализируются в *Первом параграфе «Картина мира как историческое воплощение пространственно-временной организации дистанцирования, высвобождения и рефлексивности»*. Дистанцирование, высвобождение и рефлексивность (Э.Гидденс, Н.Элиас, У.Бек) рассматриваются в качестве основополагающих социальных и гносеологических предпосылок наступления «времени картины мира». Картина мира, вслед за М.Хайдеггером, понимается как системное представление реальности. Отчуждение просвещенческого сознания от мира как «творения Божьего» вывело в разряд трудноразрешимых проблем вопрос о самообосновании эпохи: как обезбоженный человеческий разум, будучи частью этого бытия, может судить о нем? - Только через дальнейшее отчуждение от него. Так закономерный процесс объективации человека от мира был многократно усилен утверждением этого процесса в формах сознания. В параграфе проводится параллель между тем, как описывает указанное явление Гегель, и как описывает его М.Хайдеггер.

Опредмечивание сущего стало элементом «абстрактных систем», сужающих пространство чувственной достоверности. Они активно институционализируются, усиливая тем самым свою мощь; взаимодействуя, образуют новую социальную реальность. Придание исторической завершенности новоявленным формам социальности ускоряется благодаря интенсивному развитию средств связи. Как только размах описываемых процессов стал характеризоваться не

только количественными, но и качественными показателями, они перестают поддаваться расчету, оказываются вне сферы контроля и управляющего воздействия людей, инициирующих эти процессы. Современным воплощением такой самовоспроизводящейся картины мира предстает киберпространство, в котором тотальность системы постоянно одерживает победу над смыслами индивидуального бытия.

Во *Втором параграфе «Отчуждение как развитие тотальности бытия и как ее преодоление»* конкретизируется понятие отчуждения применительно к рассматриваемой теме. Если исходить из того, что в социальной теории явно или неявно присутствует общая теория человека, то в социальной философии теория человека наиболее отчетливо проявляется в концепциях отчуждения. Указывается на связанные с применением этих концепций методологические трудности. Во-первых, искомое понятие не имеет четко очерченного содержательного наполнения, что усугубляется в отечественной литературе неточностью перевода классиков. Во-вторых, смысл понятия находится в прямой зависимости от того, как трактуются субъект и объект отношений отчуждения. По мысли автора, избежать этих затруднений позволяет дискурс модерна, поскольку отчуждение есть, по сути, один из его основных метафизических принципов. Рассматриваются вытекающие из этого утверждения особенности содержательного наполнения отчуждения.

Первое. Модернизация общества, уменьшая пространство конкретно-чувственной достоверности, придает размах разворачиванию процессов во времени. Акт отчуждения обеспечивает дискретность становящихся форм социальности, исторически закрепляя их таким образом в текущем потоке фактичности. При этом формы отчуждения выступают не только в виде отчужденных феноменов, но и в виде *процесса* развития в том эпическом смысле, какой в него вложен в «Феноменологии духа». Рассмотрение этого процесса возможно именно в дискурсе модерна, поскольку понятие отчуждения обретает здесь свое значение с категорией разума, с его отношением к истории. Сегодня в идеях Гегеля обнаружен источник конструирования античеловечного мира, в котором «система овладевает бытием»; ставится вопрос о том, «является ли притязание диалектики на универсальность источником тоталитаризма». Между тем, тупики цивилизации, порожденные формально-логическим рационализмом, есть опыт «незавершенного», по Гегелю, разума, который только предчувствует себя в действительности.

Второе, что может артикулироваться понятием «отчуждение», - это структурная организация объекта, выражающаяся в его про-

странственных формах. В дискурсе модерна именно в структурно-функциональных отношениях, там, где разум перестает быть диалектическим, обостряется вопрос о соотношении «системы» и «жизненного мира». Только через отчуждение решается вопрос об их коэволюционном сосуществовании. В основе своей это отношение лишено ценностной окраски: отчуждение неизбежно там, где необходимо сохранить автономию и самобытность уникальных феноменов, не редуцируемых к системным проявлениям действительности. Подчеркивается, что этот путь выгоден и самой системе, совершенствование которой будет происходить тем более эффективно, чем надежнее она будет закрыта от «случайностей», возможных в сфере ее функционирования. Однако общая ткань культурно-исторической и социальной реальности не может быть размечена «красными флажками» с указательными знаками: в предметную активность человека включены и области его целерациональной деятельности, и жизненный мир. С опорой на раннего Маркса, М.Вебера, Д.Лукача рассматривается, как трактовалась проблема инструментального разума в классической картине мира. Утверждается, что принципиального различия между «классикой» и «неклассикой» в этом вопросе нет.

Третье направление в трактовке отчуждения связано с переводом закономерных процессов опредмечивания в индивидуальное отношение. В эпоху модерна перемены становятся настолько динамичными, что отрицание прежнего опыта происходит на глазах, а значит – в душах – одного поколения. Острота переживания индивидом риска обесмысливания его собственной жизни передает напряжение отношений человека модерна с историей, постоянно обнаруживающей растущую дистанцию между устремлениями человеческого духа и историческими формами опыта. Таким образом, феноменологический подход фокусирует наше зрение на «ситуации человека», олицетворяющей собой проблему отчуждения между родовым человеком (пространственно-временные институты модерна) и его индивидуальным бытием.

Способы снятия отчуждения – главенствующий элемент концепции отчуждения, которая эволюционирует вместе с обществом. Каждый вновь наступающий период формирует на этот счет свою повестку дня. Отмечается, что взгляды на природу информационного общества, ориентированные на возрастающую роль знания, созвучны воззрениям Гегеля. В то же время гегелевская философия не может преодолеть тупики рациональной культуры, поскольку сама является ее порождением, – порождением того уровня культурного

развития, когда человеческое чувствование однозначно зачислялось в разряд «аффективных проявлений», мешающих родовому совершенствованию. Вопрос о том, как реально, «истинно» может сниматься отчуждение и самоотчуждение человека в эпоху модерна, вновь открыт. Ответ на него не может быть абсолютным. Новейшее время обозначило в диалектике субъективного-объективного новую точку пересечения родового и индивидуального начал в человеке. Те смыслы, что рождает бытие-в-мире отдельного человека, теперь, - благодаря феномену медиа, их всеохватывающему действию, - могут повлиять на бытие мира. Таким образом, если прежде – в условиях доминирования «классических» форм социальности – стояла задача «подтянуть» индивидуальное начало под всеобщее в человеке, то теперь, как нам видится, актуально обратное: всеобщее может быть возрождено через человеческое *Я*, через способность его к ответственности. Поэтому сегодня, как никогда, актуальна проблема сохранения этой способности.

В двух последующих разделах диссертации развернута аргументация в пользу принятого в качестве концептуального тезиса о том, что начиная с Нового времени мир становится картиной, которая постепенно превращается в информационное инобытие человека; демонстрируется, как этот процесс инициирует эволюцию феноменов отчуждения, какую роль играют в этом средства коммуникации и как последние сами превращаются в продукт этого процесса. **Второй раздел** носит название «**КЛАССИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: “ПРИНУЖДЕНИЕ К ОБЪЕКТИВИРОВАНИЮ”**». Для того, чтобы увидеть феномены отчуждения так, как их видел Маркс и его последователи, необходимо получить представление о характеристиках доминировавшей в тот период картины мира. Вслед за Ю.Хабермасом нами принята такая трактовка классического модерна, которая развита Гегелем. Именно в его философии, проникнутой идеей разума, эпоха впервые нашла свое теоретическое обоснование. Разум определен как принцип субъективности, конституирующий проект Просвещения. Диалектика субъективного-объективного требует усиления другой стороны диалектического противоречия, что находит свое воплощение в приоритете принципа «всеобщего», в «принуждении к объективированию». Как это отражается на эпохальном сознании того времени, рассматривается в **Первой главе «Онтология отчуждения»**. За основу взяты положения, характерные, по М.Хайдеггеру, для любой метафизической установки: а) проект человека, в) проект бытия, с) проект существа истины, d) смысл, в каком человек там и здесь оказывается мерой. В *Первом*

параграфе *«Изменение метафизической установки: от “Человека разумного” – к “Человеку общественному”»* рассматривается, как от Просвещения к индустриальной эпохе менялось философское толкование человека, когда декартовский *cogito sum* стал представляться общественным *Мы* и *всеобщее* Гегеля обрело социально осязаемые черты в виде *коллективного*. Начало положено тем, что человек так же, как и весь мир, сделался предметом представленности в картине мира рационального разума. Соответственно, субъект (трансцендентальный субъект, единство *Я* и *не-Я*, субъект как мировой дух, субъект деятельности, практики и т.д.) - это не вот этот (я, ты, он, они), это сущность человека, которая в различные исторические периоды в разных областях знания по-разному понимается и образует соответствующий этим различиям в понимании понятийный ряд. К данному ряду относится «Человек разумный», «Человек общественный» («родовой человек»), «Человек массовый». Эволюция этого ряда закономерно привела в наши дни к «кончине человека» в том смысле, что «система», объективировав его сущность до предела, растворила «человеческое» в социальных практиках. Таким образом, в ходе модернизации общества картина мира начала приобретать объемность за счет развития предметных планов в сторону «детализации» социальных потребностей и интересов. «Человек разумный» как единый образ мира и истины рассредоточился в собирательном (исторически обусловленном) образе «Человека общественного». Человеческая сущность в лике разума отделена от существования трансцендентально, чего не скажешь о социальных интересах. Поэтому если «Человек разумный» - это чистая сущность, то «Человек общественный» сосредоточил в себе взаимоотчужденные сущность и существование.

Во *Втором параграфе «Бытие сущего: функциональное разделение субъекта и объекта»* с опорой на статью М.Хайдеггера «Тезис Канта о бытии» рассматриваются особенности толкования бытия в классическую эпоху. Просвещенческое сознание в лице Канта исходило из того, что различие познавательных способностей субъекта определяет и различие модальностей бытия. Бытие, которое конструируется познавательными способностями одного рассудка, или инструментального разума, таит в себе опасность невиданного усиления этого разума. Поэтому понимание бытия как полагания и установления, как акта человеческой субъективности, требует, по Канту, обязательного различения этих модальностей бытия – «возможного» и «действительного». Он ставит вопрос о необходимости ограничения рассудка, указывая, что истолкование рефлексивных

отношений, сравнение их между собой должно происходить в соответствии с определенными ориентирами. Таким образом, тезис Канта о бытии, как отмечает М.Хайдеггер, невысказанно пронизан ведущей темой: *бытие и мышление*. Этот «ориентир» в виде предметности предмета опыта нашел свое концептуальное завершение в материалистической философии, которая в ряду модальностей бытия обратила свой взор не на *возможное*, а на *действительное*, на то, что в смысле существующего уже «есть». Бытие рассматривалось как бытие лишь тогда, когда оно являлось «объективно определенным в каждом отношении»; «неопределенное бытие» относилось к «продукту мысли» (Д.Лукач). «Определенность» означает необратимость, историчность форм развития. Хотя в процессе деятельности и происходит постоянный переход субъекта и объекта один в другой и при каждом акте этого перехода они взаимно дополняют, выражают, движут и возвышают друг друга, на позициях исторического материализма, рассматривающего этот процесс онтологически, результатом общественной практики в целом является все большая и большая дифференциация субъекта и объекта.

Недиалектическое сознание усилило тенденцию их функционального разведения. Этому способствовал рост объема «фетишистских форм предметности», явившихся результатом возрастания массы овеществленного труда. Коммерциализация жизни увеличивает эту массу, превращая в товар отношения и неотчуждаемые качества личности. Сущее, то, что уже «есть», начинает властвовать над возможным, являющимся неотъемлемой характеристикой человеческой субъективности. При этом само субъективное субъективно лишь относительно: человечество, различные социумы выступают по отношению к индивиду объективной силой. Классическая картина мира «санкционировала» такого рода отношения через утверждение приоритета сущности над существованием, родовой природы человека - над его индивидуальным бытием. Данная позиция была вполне релевантна соответствующему тому времени уровню развития социальности. Однако именно эта позиция и вела ко все большей объективации реальности, превращению ее в «картину» не только в области природных закономерностей, но и закономерностей общественного развития.

В Третьем параграфе **«Проект существа истины»** обозначено направление эволюции просвещенческого проекта истины в индустриальную эпоху. Аксиологическое понимание истины определяется в классической картине мира прежде всего «проектом человека» - верой в его сущностные силы. В то время как «проект бытия» руко-

водит существом дела – от него во многом зависит образ рациональности, играющий роль стратегического принципа жизнедеятельности и построения научного знания. В ходе модернизации общества все более становилось ощутимым противоречие между этими двумя аспектами «проекта истины» – аксиологическим и онтологическим. Это противоречие вызвано, по мысли автора исследования, неустрашимой методологической апорией дискурса модерна. Данная апория обусловлена, согласно Ю.Хабермасу, онтологической разницей между конституируемым внутренним миром и конституирующим миропониманием.

Попытка исторического материализма разрешить это противоречие не увенчалась успехом. С точки зрения марксизма, препятствием на пути всестороннего развития человека был отчужденный, «мертвый» труд, господство накопленного труда, выражаемого в капитале, - над живым. Таким образом философия практики заменяла самосознание трудом. Метафизический, обусловленный «объективной реальностью» проект истины призван был удерживать от заблуждений субъект-центрированный разум. Однако такое позиционирование культурного сознания возымело и обратное действие. В параграфе рассматриваются две тенденции, которым было подвержено «онтологизированное», выведенное из сознания знание. Первая связана с усилением «овеществляющего самость» сциентизма, который был вызван стремлением «очистить» познавательные способности от субъективных, априорных суждений. С обращением к трудам С.Л.Франка, поднявшего вслед за П.Б.Струве проблему «сингуляризма», своего рода «здорового смысла» в науках об обществе, рассматривается, как это повлияло на развитие социальной философии. Вторая тенденция связана с усилением инструментальных способностей разума, работающего с экстерниризованным «материалом». Если знание выведено из самосознания, т.е. онтологизировано, идеологизация его неизбежна. Идеологизированное знание претендует на «единственно верную» репрезентацию действительности. А это, в свою очередь стимулирует борьбу интересов, влекущих за собой релятивизм подходов к проблеме истины. Попытки вернуть картине мира утраченную целостность с вовлечением в этот процесс институтов власти в конечном счете привели к девальвации идеи единого мира. В последствии логос становится первым адресатом постмодернистской критики классического типа философствования и стиля мышления в целом.

Четвертый параграф «Отчуждение как деформированный способ существования» посвящен рассмотрению четвертого пункта

метафизической установки, сформулированной М.Хайдеггером: «Смысл, в каком человек там и здесь оказывается мерой». По мысли автора исследования, эта позиция содержит скрытое, недосказанное, но в то же время обусловленное для данного временного периода понимание гуманистического. Цель параграфа – обосновать историчность форм сознания, характеристика которых была предпринята в предыдущих параграфах. Отмечается, что, несмотря на то, что мир все больше объективировался, становился «картиной», сам проект модерна освещен просвещенческой верой в человека. Как убедительно аргументировал Э.Фромм, философия Маркса проникнута «духовным экзистенциализмом», который полнее всего выразился, на наш взгляд, в особенностях трактовки категории отчуждения в его ранних работах. В советской литературе связываемая с классовой борьбой марксова теория отчуждения и «идеалистические воззрения Гегеля» нередко противопоставлялись как исторические ступени социального познания, поднимающиеся одна над другой как «низшая» и «высшая». Мы не склонны к такому противопоставлению. В нашем понимании «овнешвление», по Гегелю, «отчуждение», по Марксу, схватывают диалектику развития «внутренней» и «внешней» сторон предмета, его существование и суть. Поскольку вещь содержит в себе это двойное бытие, олицетворяющее противоречие ее предметной сущности, истинное обнаруживается двойным способом. По Гегелю, чтобы удержать в себе тождество вещи, или «вещь для себя», сознание делает «множественным» себя. Вещь «для другого» – инобытие вещи – порождает в мышлении различие ее с другими вещами, но само сознание при этом сохраняет свое единство.

Такое разведение двух сторон предметной сущности вещей может лечь в основу различения культурологического и социологического подходов к реальности. Имманентное развитие культуры, «вещи для себя» требует плюралистических оснований анализа, который следует за культурным сознанием, делающим «множественным» себя. Так рождается теория «внутреннего». Инобытие предмета, вещь «как она есть» предполагает объективацию, рационализацию позиции «знающего субъекта», его отчужденный, социологизированный взгляд «со стороны» на позициях сознания, сохраняющего единство в собственном тождестве. Так рождается теория «внешнего». Проблема не в том, что в одной теории преобладает взгляд на вещь «для себя», в другой теории – на вещь «для другого». Проблема начинается там, где происходит метафизическое гипостазирование одностороннего взгляда, волевое возведение его в ранг мировоззренческой позиции для всего эпохального сознания.

Таким образом, важный для данного исследования, методологический вывод, который вытекает из данного параграфа, заключается в том, что предметом критики должны быть не формы сознания как таковые, поскольку они являются историческим продуктом своей эпохи, а то, какой извлекается и закрепляется социальный опыт на их основе. Все большая объективация проектов человека, бытия, истины в ходе формирования мира в картину усиливает рациональные основания культуры. Создается почва для утверждения в социальных отношениях рационализма. Одна из его характеристик - ориентация на приоритет «внешнего» в сущем, на приоритет волевого начала. Это означает в свою очередь, что начинает доминировать «парадигма силы» - потенциально агрессивное сознание. Такое положение дел ведет к тому, что «парадигма понимания», в которой только и возможно существование жизненного мира, испытывает все большее воздействие тотальности социальной системы, которая наращивается за счет обретения последней матричных свойств.

Во **Второй главе** Второго раздела **«Отчуждение труда в средствах массовой информации»** с опорой на марксистскую концепцию отчуждения рассматривается, как процессы объективации реальности и человека проявляют себя в традиционных медиа, - в печати и на телевидении. (Этот социальный институт, представленный прежде всего печатной периодикой, формировался вместе с классическим модерном). Исследователи прослеживают у Маркса описание четырех форм отчуждения труда. Каждой из них посвящен отдельный параграф главы.

Первый параграф носит название **«От публицистического произведения – к информационному продукту: отчуждение результатов труда»**. Время классической картины мира характеризуется тем, что публичное пространство формируется прежде всего ценой труда специалистов в области массовой информации. Именно массовая информация является результатом, опредмечивающим труд журналистов. Сам факт включения этого понятия в активный оборот свидетельствует об объективно существующей тенденции к отчуждению от творческого работника результатов его деятельности, к отчуждению данных результатов от адресата – читателей газет и журналов, зрителей телевидения, слушателей радио. В параграфе это процесс иллюстрируется примерами из отечественной журналистики.

В период своего активного формирования в XIX веке российская периодика, в особенности журнальная, менее охотно, по сравнению с теми же социолого-позитивистски ориентированными аме-

риканскими средствами массовой информации, обращалась в своих публикациях к проблематике повседневности. Она брала на себя роль литературы. Подобное своеобразие отечественной журналистики объясняется тем, что ее родовое выделение в особую сферу духовной жизни происходило в тот период российской истории, когда современные социальные институты в нашем обществе только еще начинали формироваться, в то время как основные культурные сферы в западных странах уже приобрели относительную автономию. Важно и то, что развитие феномена массовой информации в отечественном дискурсе находилось в то время в тесной взаимосвязи с духовными исканиями русской интеллигенции, мучимой экзистенциально обостренным сознанием опасности запоздалых решений и упущенных возможностей. Исходным пунктом российской публицистики становится актуальность, которая конституирует себя как точка пересечения времени и вечности. В этом пространстве возникает характерная для эпохи модерна перспектива, в которой современники видят себя отвечающими за «сегодня», играющего роль «прошлого» для наступающего «завтра». Активно используя литературные приемы персонализации автора, типизации персонажей, включая в себя философские раздумья, нравственные искания, публицистические тексты связывали своих создателей и почитателей духовными отношениями. В соответствии с этим в изучении российской журналистики всегда преобладали подходы, обращающие исследователя к методологической базе теории творчества, к рассмотрению журналистских произведений в соотношении с бахтинскими подходами. В годы научно-технической революции советская наука продолжала отстаивать в неизбежно вторгающейся в жизнь категории информации гуманитарное начало, видя в ней своеобразный мостик преемственности между неживой и живой материей. Однако с началом перестроечных процессов и развитием информационного рынка за информацией постепенно закрепляется статус товара. Она начинает оцениваться как серьезный производственный ресурс. Журналистская информация, как бы культурно и идейно она ни была насыщена, получает потребительную стоимость.

Второй параграф называется «От “призвания” - к “профессионализму”: отчуждение от процесса труда». Когда труд становится для работника чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности, начинается его отчуждение. Неотчужденный труд, согласно Марксу, суть свободная деятельность, самодеятельность, выражающая и развивающая родовую сущность человека. Свободной деятельностью является тогда, когда человек осуществляет ее, исходя из

понимания ее необходимости как закономерности всеобщего. Таким образом, процесс опредмечивания человеческих сущностных сил в свободном труде есть проблема сознания, феноменологически им же снимаемая: единичное отторгается для служения всеобщему, становится достоянием человечества в лице «других» и таким образом вновь возвращается к состоянию единичного. В соответствии с этим предпосылка гармонии между индивидом и социальным целым может быть связана с категорией профессионального призвания (Г.Зиммель, М.Вебер). Согласно теоретикам, взгляды которых так или иначе репрезентируют дискурс модерна, профессионализм не отделим от позиции индивида, от призвания, субъективно воспринимаемого личностью как миссия. (Такая точка зрения, характерна прежде всего для отечественных исследователей журналистики; на Западе ее приверженцем является американский ученый Дж.Мерилл). Подобную феноменологизацию целерациональной деятельности можно рассматривать как путь снятия отчуждения от «циничной действительности», частью которой зачастую предстает профессия журналиста.

Идея призвания, отдалившаяся от своих религиозных корней, получила цивилизационное продолжение в «этике ответственности», ратующей за договорные «правила игры». На примере нормативных концепций прессы (Ф.С.Сиберт, У.Шрамм, Т.Питерсон, Д.Маккуэйл) в параграфе прослежена логика изменения в общественном сознании представлений о субъекте ответственности, который фактически совмещается с выразителем социальных интересов. Если в период индустриального модерна таковыми являются государство (авторитарная теория прессы) и «личность», идеализированная просветительской верой в разум (теория свободы прессы) то сегодня эта роль объективно закреплена за теми, кто творит «историю повседневности» (теория социальной ответственности журналиста). Рассматривается попытка российской общественности «перестроечных» лет возродить корпоративный дух профессии через обращение к идее конвенциональной этики. Констатируется, что повседневная практика средств массовой информации ориентирована на вытеснение позиций субъектов творчества. Рассмотрены два фактора, усугубляющие отчуждение от журналиста процесса труда: коммерциализация журналистики и ее технологизация. В России это явление усугубляется тем, что рынок вытеснил публицистику, которая в духе персоналистской традиции в русской культуре являлась носителем идеи свободы прессы. Лишенные опыта участия в строительстве гражданского общества отечественные средства массовой информации ока-

зались втянуты в отношения по «связям с общественностью», искаженно трактуемым как обслуживание интересов «хозяина».

В Третьем параграфе *«“Человек-товар”: самоотчуждение в труде»* акцент делается на переживании индивидуальным сознанием проблемы успешной реализации или крушения личного развития. Обозначены причины самоотчуждения человека в такой профессии как журналистика. Первая - гражданская нереализованность тех, кто, по существу, призван служить обществу. Личностно воспринимаемая гармония отношений с социумом заключается в том, чтобы исполняемые социальные роли и обязанности не только совпадали с собственными жизненными целями, но и были подкреплены общественной потребностью в них. Между тем, самоутверждение журналиста как представителя и защитника гражданских интересов в публичной сфере не реализуется. Следствием и причиной такого положения дел является потеря профессией и ее отдельными представителями своей идентичности.

Второй причиной самоотчуждения журналиста является его превращение в «товар». Эта тенденция рассматривается как результат противодействия двух выделенных Э.Фроммом форм человеческого существования: добывания пищи для выживания в узком и более широком значении, с одной стороны, и свободной спонтанной активности по реализации человеческих способностей и поиску смысла за пределами утилитарных интересов, – с другой. Коротко говоря, противодействия двух интенций - «иметь» и «быть». В сфере средств массовой информации гамлетовский вопрос практически полностью вытеснен интенцией на обладание: социологические исследования подтверждают, что абсолютное большинство работников СМИ уверено, что журналистика это бизнес. В реальности покупаются не журналистские произведения и иной творческий продукт, а неотчуждаемые свойства личности – с целью манипуляции ими. Обозначенное явление характерно для любого конкурентного общества, однако наиболее очевидные деформации социального опыта коммерциализация информационных отношений вызывает в России, переживающей период теневых рынков, к числу которых относится и рынок информации.

Третьей причиной самоотчуждения человека в профессии журналиста является характерная для нашего времени эволюция отношений творческого работника с аудиторией в сторону технологизации этих отношений. Уже сам процесс преобразования общения лицом-к-лицу в «медиативную коммуникацию» (Д.Томпсон) объективно содержит в себе факторы, отчуждающие самость. Это отчуждение

усиливается, когда коммуникация становится массовой, то есть безличной. Стремление творческого работника наладить реальную связь с аудиторией оборачивается не просто «технологическим ходом». Таково не всегда осознаваемое желание спасти в профессии свое творческое Я, которое может реализоваться только в «Другом» – в адресате информации.

Обозначенные причины самоотчуждения человека в профессии, по сути, определяют его опыт переживания пределов человеческой свободы. Историческая обусловленность этих «пределов» несомненна. Нашей эпохе мы обязаны остротой их переживания. «Несчастное сознание» - детище модерна. Специфика средств массовой информации такова, что различные состояния индивидов фиксируются в текстах. Журналисты выступают не только трансляторами этих состояний. На их долю выпадает роль выразителей общественных настроений. А чтобы их выразить, необходимо обратиться к собственному самосознанию, соотнести его с потребностями общества, с переживаемым периодом времени. Примерами из российской периодики иллюстрируется тезис о двойственности эпохи модерна (З.Бауман), о драматизме его заката, переживаемого постсоветской Россией.

В Четвертом параграфе *«“Мыльная журналистика”: отчуждение отношений людей»* в рамках затронутой темы оценивается состояние «коллективной личности» - социального субъекта, символизирующего в глазах его представителей отдельную личность. По Ф.Теннису, подобная личность соответствует такой модальности существующих связанностей как «общность», она противостоит «обществу». На позициях философов, различающих «естественное» и «механическое» объединение людей (что характерно прежде всего для русских мыслителей классического модерна) в параграфе рассматриваются модальности отношений в журналистской профессии.

Сами по себе средства массовой информации не являются социальными субъектами. Это – «средства». Свойства «коллективной личности» приобретают редакции, институционально (функционально) связанные со своей аудиторией. Первые «поставляют» информацию, последние – «потребляют» ее. И только нечто большее, - то, что обращает нас к сфере ценностей, - способно послужить основанием, на котором вдруг начинает формироваться тот вид объединения, который в последствии получает название духовной общности. Последняя не может быть ограничена рамками одной профессии – ее питающие силы находятся в культуре, зависят от ее состояния.

В параграфе аргументируется тезис о том, что эволюция «коллективной личности» в публичной сфере, творимой традиционными масс-медиа, отражает логику постепенного вытеснения меньшинств с общественной арены. Массовая культура подменяет информацию, ориентированную на общественный (социально-значимый) интерес, информацией, вызывающей общий интерес. Огромное влияние на СМИ в деле их массовизации оказал и оказывает рекламный бизнес, с их имитирующими жизнь рекламными роликами, с их маркетинговыми стратегиями, смещающими очевидный смысл происходящего в сторону выгодного, прагматического смысла.

Именно эта имитация действительности, препарирование ее в определенных целях – в целях развлечения, политического манипулирования, сбыта услуг и продукта – придает масс-медиа качество «мыльности». «Мыльная» журналистика, превращая в «шоу» драматические события жизни, лишена реальной драматургии человеческих отношений. Прагматичное сознание уравнивает все, помечая информацию, независимо от глубины и ее содержания приоритетной характеристикой – потребительской стоимостью. Поэтому поток медиа-событий подобно «мыльной опере» нескончаем, в него можно включиться в любой момент без риска глубоко затронуть те проблемы, которые тебя действительно волнуют. Спроецированный на экране и на журнальной полосе «средний индивид», – будь то домохозяйка, кинозвезда, солдат, сражающийся в далекой стране, тинейджер или чиновник, – лишен в такой журналистике подлинных экзистенциальных переживаний. Отсекая таким образом от повседневного существования онтологическую проблематику, «мыльная журналистика» провоцирует отчуждение людей. Это становится очевидным в переходные периоды жизни общества. В параграфе приводится иллюстративный материал из практики российских СМИ.

Третий раздел исследования «НЕКЛАССИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА: “ВЛАСТЬ РАЗДУТОЙ ДО ЛОЖНЫХ АБСОЛЮТОВ СУБЪЕКТИВНОСТИ”» посвящен рассмотрению современного этапа развития миропредставления как «картины». Выход из мира телесных вещей в мир виртуальной предметности придает своеобразие, «неклассичность» новейшему времени. При этом принцип субъективности как принцип модерна уже эмансипировался от конституирующей идеи «всеобщности», потому что не увидел в ней достаточную мощь энергии объединения. Такая эмансипация привела к установлению режима инструментального разума, что означает еще большую рационализацию действительности. В классической картине средства массовой информации выступают иллюстративной

частью процесса отчуждения от контекстов жизненного мира. В неклассической картине они творят этот процесс. В **Первой главе «Медиа-симулякры: гипостазированное отчуждение»** вновь с обращением к проектам человека, бытия и истины рассматривается дальнейшая эволюция метафизической установки от индустриального к «информационному» модерну. *Первый параграф* носит название **«Изменение метафизической установки: от “Человека общественного” – к “Человеку виртуальному”**». Субъектность отдельного человека - Ахиллесова пята современной культуры, ее неразрешимая проблема: конституирующий эпоху принцип субъективности не совпадает с человеческой самостью. Это именно принцип, реализуемый в «комплексе», в «механизме», в «системе реагирования», принцип, в разной степени затрагивающий как отдельного индивида, так и весь социум. В параграфе рассматривается, в какой мере изменилось сегодня содержание коннотаций принципа субъективности, выделенных Ю.Хабермасом у Гегеля: а) индивидуализм; б) право на критику; с) автономия действия; d) идеалистическая философия.

Индивидуализм опосредован развитием индивидуального бытия. Человек, вынужденный опираться на самого себя и поэтому быть «непосредственной достоверностью самого себя» (М.Хайдеггер), представляет собой индивида. Вынужденность опираться на самого себя означает прежде всего расширение альтернатив выбора жизненного пути: в эпоху позднего модерна для большинства потеряло силу то, что прежде диктовалось традицией, экономической необходимостью и пр. Однако индивидуализацию не следует отождествлять с тенденцией к возрастанию фактической автономии индивида от общества. Высвобождение от влияния узколокальных сословных сообществ сопровождается ростом зависимости индивида от высокоцентрированных, урбанизированных государственных обществ. Перманентное перераспределение сфер зависимости и свободы индивида от «всеобщего» представляет собой объективно обусловленный процесс развития социальности (М.Вебер, Н.Элиас, Э.Гидденс). В параграфе говорится о необходимости сознательного участия людей в этом процессе. Для этого, в частности, они должны быть осведомлены о распределении стратегически важных для них ресурсов, в том числе информационных. Индивидуальность как «определенная особая система реагирования на альтернативы» (Д.Лукач) требует совершенствования как приоритетная общественная программа. На деле средства коммуникации культивируют идеологию прагматического индивидуализма с его ставкой на «чудо», легкую удачу. При этом реально судьба отдельного человека все меньше зависит от его

воли, представая перед ним в виде мистической силы, тотальности всепоглощающей системы.

Право на критику связано с правом индивида добиваться очевидности того, чем он должен руководствоваться в своей жизни. В эпоху модерна формы общественной жизни во многом конституируются знанием о них действующих лиц (Э.Гидденс), а эти знания передаются в соответствии с формируемыми кодами идентичности. Их «режиссерами» зачастую выступают средства коммуникации. Посредством своих информационных сценариев, подбором «героев дня» и акцентов в видеоряде, сюжетными картинками и другими подобными путями медиа представляют нам специфические стратегии поведения самых различных групп, вызывающих у нас желание идентифицироваться с ними или, напротив, быть в оппозиции к ним. Частичные идентичности складываются в определенную линию, смысловую концепцию. Динамика подобных концепций очень подвижна. «Право на критику», будучи включено в них в качестве одного из элементов, получает четко очерченное предметное поле: вот проблематика этническая, вот – гендерная, вот – поколенческая... Направленность критики становится предсказуемой. Всесторонняя социальность есть, по существу, высшая степень цивилизованности, а последняя – торжество системного мира. Автор исследования делает вывод, что на этом фоне все отчетливее становится необходимость бережного отношения к человеческой самости – к тому, что не находится на пути динамично распространяющихся новых форм социальности, но без чего не возможны ни цивилизация, ни культура, ни сам человек с его правом на критику.

Утверждению *автономии действия*, как указывается в параграфе, противостоит отмеченное Н.Элиасом принуждение со стороны современного образа жизни все активнее управлять своими аффектами, подавлять и трансформировать свои влечения. Подавляемые аффекты и влечения аккумулировали средства массовой информации: в сферу публичности вынесены сегодня самые сокровенные темы и сюжеты. За реального человека волнуются, страдают, восторгаются, ненавидят и любят герои кинофильмов и реалти-шоу. «Виртуализация» поступка, подмена эмпирического опыта личности опытом «представления», «созерцания» того, как переживается этот опыт на экране, фактически означает самоотчуждение человека, лишение его целостности, атрофию способности к критике и способности к автономному действию. Реальность как созерцаемое «представление» конструируется по законам жанра драматического спектакля, в котором ружье, висящее на стене в первом акте, в последнем

- обязательно должно выстрелить, в котором есть кульминация и развязка, заставляющая замереть «зрительный зал». Экстравагантный, не имеющий образцов поступок при повторении может перемещаться из области «взрыва» в сферу привычного, обыденного. В представлениях массовой аудитории это и происходит. Жизнь и смерть в медиа-пространстве лишаются тайны, которой они наделены в иерархическом бытии, где есть место сакральному и профанному, вечному и случайному. В параграфе приводится пример с компьютерными играми, которыми увлечены современные подростки. Обыденность смерти означает ослабление психологического барьера перед агрессией: идея лишения жизни, идея смерти *другого* может стать средством для достижения «более высоких» целей. Специалисты по медиа первыми указывают на будоражащую воображение закономерность: наиболее изощренные акты насилия, совершенные людьми, происходили сначала на голубом экране. Другая закономерность заключается в том, что те, кто совершает акты насилия, рассматривают себя при этом персонажами телевизионного сюжета. Таким образом, медиа возводят созерцательность в жизненную позицию не только по отношению к окружающему миру, но и по отношению к себе самому, к собственной воле, подчас импульсивной, неуправляемой. Такая идентичность лишена главного критерия, главного показателя здоровой социализации личности – этической способности.

Следствием описанной эволюции «принципа субъективности» является «окончательное онтологическое торжество» *идеализма-виртуализма*. «Классический мир» раннего модерна, хотя и был картиной, но виделся он телесно-духовным человеком, утверждение которого началось в эпоху Возрождения. Под его феноменологическим взглядом «классический мир» стремился центрироваться вокруг смыслов человеческой жизни. В «неклассическом мире» наблюдатель воспринимает реальность посредством медиа: сам человек как субъект индивидуального выбора, права на критику и способности к автономному действию отчужден. Неклассическая картина, увиденная «глазами» медиа, довольствуется виртуальным изображением человека. Автор исследования приходит к выводу, что «постмодернистский гуманизм» с его антропоморфизмом, антропоцентризмом, и антропометризмом оказывается не в состоянии противостоять современной информационной политике. Напротив, общественные науки невольно поддерживают направленность медиа-идеологий тем, что утверждают «субъективацию» реальности (в частности, при структуральном и постструктуральном подходах) не через развитие

идеи самости, предполагающей обращение к «всеобщему», а через растворение субъекта в социальных практиках. В результате «ситуация человека», выражающая сегодня проблему активного субъекта истории, остается на обочине общественного внимания.

Второй параграф называется «**“Неопределенное бытие”: коммуникативное “между” субъектом и объектом**». Из столетия в столетие в социальных взаимодействиях накапливались структурные изменения. Они были радикально ускорены кардинальными преобразованиями техники и технологий в отрасли связи, что, в конечном счете, привело к перемене доминирующих в общественном сознании бытийных характеристик мира. Как это происходило, рассматривается на примере понятия «коммуникация». В параграфе обозначены две парадигмы, противоположные по своим методологическим основаниям и отношению к бытию. С одной стороны, «коммуникацию» связывают с новоявленными системами средств связи. Последние вызвали к жизни теории, образовавшие «новую область обществоведения», - «коммуникативистику». С другой, - термин «коммуникация» отсылает нас к парадигме коммуникативного действия Ю.Хабермаса. Таким образом, «коммуникация» выступает и как стратегия развертывания системы (квазимедиативные процессы), и как смыслонесущая стратегия, укрепляющая нормативность жизненного мира (взаимодействие «лицом-к-лицу»). В социальных науках, как правило, не делается различия между этими двумя значениями. Наблюдения показывают, что агрессивными свойствами по отношению к разным областям социального знания обладает парадигма, базирующаяся на постулатах информатики и кибернетики. Под углом «техничко-коммуникативных характеристик», «коммуникативных систем», «каналов», «уровней и средств коммуникации», подаваемых в разных теоретических моделях, анализируются все стороны жизни человека, - его история, начиная от наскальных рисунков, его проявления как живого существа. Помимо сложности методологического перехода из одной парадигмы в другую существуют причины такого положения дел, обусловленные логикой развития самих социальных наук. В параграфе рассматриваются две причины. Первая - обусловлена характерным для обществознания неразличением «принципа субъективности» и «ситуации человека» как единства сущности и существования. Неразличение ведет к тому, что «человек-система» неизбежно эволюционирует до «человека-киборга». Вторая – связана с наблюдаемой в социальных теориях семиологизацией мирозидения, что также влечет за собой подмену «ситуации человека»

«принципом субъективности»: «человек-знак» - это элемент «исчезающего бытия».

Для характеристики социальных взаимодействий в соотнесении с проблемой сохранения жизненного мира, мира интересубъективной реальности уместнее употребление такого понятия, как общение. Общение – это персонифицирующая взаимосвязь, коммуникация же – унифицирующая. Общение предполагает феноменологическое прочтение мира и человека. «Человеческое» означает здесь «ориентированное на смыслы жизни». Человек - это то, что есть и то, что он представляет как возможность, это единство существования и сущности. В ходе общения духовная протяженность человека не отторгается, не игнорируется, напротив, востребуется. Это интериорно-ориентированное взаимодействие. Субъекты, освобожденные от коммуникативной определенности, знаковой заданности контакта, участвуют в акте творения. В параграфе производится соотнесение понятия «общение» с термином «коммуникативное действие» Ю.Хабермаса. С точки зрения автора данного исследования, «понимание» может быть рационализировано лишь в теории, в действительности оно предполагает «нечто», не охватываемое коммуникативным действием: общаясь, мы не только выражаем *свое* мнение, налаживаем коммуникацию с *другим* членом той же языковой общности и говорим ему *о чем-то*, имеющем место в мире, но и познаем другого. «Познаем» не в теоретически-эпистемиологическом смысле, а эмпатически.

Коммуникация по своим характеристикам в философию субъекта не вписывается, она конструирует мир «внешнего». Это феномен именно современной культуры, поскольку предполагает не только технические, экономические, социальные и пр. предпосылки своего практического и понятийного возвышения, но и изменения в сознании человека, обусловленные его собственным позиционированием по отношению к окружающей действительности. Время коммуникации – это «время картины мира».

Информационный рынок создает ситуацию «контробщения». Естественный процесс опредмечивания реальности, все более интенсивно осваивающий виртуальный мир знаков и значений, в дискурсе идеологии потребления приобретает агрессивные свойства. Коммуникация являет собой то, что Ж.Бодрийяр называет «тотальным принуждением кода». Происходит гипостазирование отчуждения в медиа-симулякрах, происходит симуляция бытия.

Третий параграф носит название «**“Истины нет”. Остались мнения**». Если в раннеиндустриальную эпоху в проекте существа

истины концепт трансцендентализма был постепенно вытеснен концептом историзма, то период позднего модерна ознаменован новыми переменами: концепт историзма потеснен концептом феноменологизма. Под последним в данном случае понимается способ «онтологизации» реальности сознания, способ придания ей бытийного - достоверного – характера. Критерии достоверности изменяются при переходе от действительности вещей к действительности «абстрактных систем» (Э.Гидденс), формирование которых связано с распространением общностей, члены которых лишены непосредственных контактов. Это влечет для них необходимость полагаться на экспертные оценки, символизацию действительности. Телекоммуникационная революция в последней трети XX века привела к взрывному развитию символического универсума. Он радикально изменил параметры личного опыта масс людей, изменил их знание повседневности. В параграфе описывается, как в этом процессе участвуют медиа. На основе концепции П.Бергера и Т.Лукмана раскрывается «механизм» структурирования виртуальной среды обитания. Обращение к понятию *мифа* помогает выявить набор характеристик этой среды.

В газетном деле, с которого начиналась журналистика, процесс производства информации и процесс ее потребления были разделены во времени, что обеспечивало возможность осмысления прочитанного. С появлением аудиовизуальных средств возможность осмысления, (или рефлексивной объективации коммуникативного сообщения), хоть и не в первоначальном варианте, но все же оставалась: радио и телевидение в начале своей истории представляли собой лишь один из аспектов социальной жизни и реальность повседневности со всеми ее сторонами сохраняла качество верховной, определяющей реальности. Сегодня массовая коммуникация пронизывает все наше существование. Интернет стирает грань между профессиональными производителями информации и потребителями. Медиа становятся конституирующим принципом в процессе экстернизации самосознания индивидов. Мы волей-неволей превращаемся в жителей виртуальных «деревень» и «городов» (М.Кастельс). Но медиа осуществляют не только социально-ролевое структурирование символического универсума. Совмещая с последним очевидное знание повседневности, квазимедиативная коммуникация трансформирует смысловые иерархии бытия. Символическое накладывается на самоочевидное, теряя статус условности. Люди верят вымышленным персонажам, постановочным кадрам. Средства коммуникации, переводя таким образом «внешнее» — хаос, антигуманные тенденции и пр. — во «внутреннее», в наделенную смыслом среду

обитания личности, формируют мифы. Феноменологическое равенство фактов сознания и фактов «объективной действительности» и определяет особенности пространства мифа – его историчность, нуминозность, непосредственность, спонтанность, личностность (А.Ф.Лосев, К.Хюбнер, А.М.Пятигорский, Ю.М.Лотман и др.). И именно в таком мире индивидуальные биографии и идентичности людей обретают смысл. Когда в этот процесс самоорганизации познания и мышления индивида внедряется квазимедиативная коммуникация, он рискует потерять черты естественности: у мифологической реальности появляются «режиссеры», движимые собственными интересами. Мифическое пространство в медиа не столько творится, сколько конструируется. Миф становится на службу идеологий. С обращением к литературе по вопросам манипулятивных технологий коммуникативного воздействия на аудиторию в параграфе показывается, как в деле подчинения людей тотальности мифов используется слово и изображение.

Не случайно с проблемой истины связан один из центральных профессионально-этических вопросов деятельности специалиста по массовым коммуникациям – адекватность реальности. Западная, прежде всего американская «журналистика факта» в попытке отстоять свой «онтологизм», «документализм» перед «герменевтикой материала», тратит немало сил для очищения своих сообщений от какого-то ни было налета субъективизма. В кодексах профессиональной этики, принятых журналистами разных стран, первые позиции посвящены, как правило, принципу правдивости. Техники претворения этого принципа в жизнь, проблемные зоны на этом пути становятся предметом оживленных теоретических и практических дискуссий. Однако, по мысли автора исследования, все, что усиливает инструментальную рационализацию методов сбора и подачи информации, ведет не просто к «объективации» отраженной действительности, а к объективации ее от «ситуации человека». Технологичное отношение к профессиональной деятельности оборачивается усилением ее манипулятивных характеристик. Это наглядно демонстрирует пример отечественных средств массовой информации.

Вторая глава Третьего раздела «После модерна: информационное общество как жизненный мир» являет собой заключительную главу исследования. В ней рассматривается, как в недрах эпохального сознания современного общества формируется иное – «постнеклассическое» – миропонимание. Эволюция взглядов в этом направлении прослеживается на примере отношения к проблеме морали в ее соотнесении с исторической трансформацией обществен-

ных отношений. В качестве исходного и конечного пунктов намеченного пространства теоретической рефлексии принято понятие медиа-этики. Его содержательное наполнение несколько иное, чем то, что утверждается в англоязычной и отечественной литературе по теории журналистики, синонимически уравнивающей искомое понятие с профессиональной этикой разного рода специалистов в области массовых коммуникаций. В авторском понимании медиа-этика сопоставима с профессиональной этикой лишь частично. В едином виртуальном пространстве стираются границы между «профессионалами» и «непрофессионалами». Речь идет о не ожидавшихся, не вписывающихся в опыт традиционного общества, но, тем не менее, глубоких изменениях социальной природы современного человека, нравственная сторона которых в традиционной морали не может быть освоена. Бытие-в-мире отдельного индивида, транслируемое посредством коммуникаций, сегодня способно оказывать осязаемое воздействие на общности самого разного масштаба, вплоть до человечества. С другой стороны, тем же путем любая общность имеет сегодня возможность «дойти до каждого», до сокровенных глубин человеческой психики (Именно информационная эпоха породила такое уродливое явление наших дней как терроризм, который посредством распространения информации об актах насилия и экстремизма по каналам связи порождает и использует в своих целях чувство страха у широких слоев населения). Впервые в истории все народы, расы и культуры – без учета специфически групповых особенностей и моральных традиций – поставлены научно-технической цивилизацией перед задачей брать на себя солидарную ответственность за последствия своих действий в планетарном масштабе (К.Апель, А. Глюксманн А.А.Гусейнов). Медиа-этика в нашем понимании тематизирует идею абсолютной морали. Эта идея включена в конститутивные основания дискурса модерна, вынужденного черпать нормативность из самого себя. Эта идея передается «по наследству» и информационному будущему, несущему в себе основные апории процесса модернизации общества. Фактически речь идет о путях снятия отчуждения. На этих позициях и дается в заключительной главе представленного исследования общая характеристика доминирующих в разное время решений вопроса о моральной нормативности в соотношении с соответствующим уровнем развития средств коммуникации.

В самом общем виде можно выделить два направления в толковании медиа-этики. Первое – «классическое», или объектоцентристское. Второе – «неклассическое», или субъектоцентристское. Каждому из них соответствуют два образа морали, обусловленные раз-

личием подходов к проблеме человека. Объяснение морали на основе позитивистско-сциентистского понимания сущности человека рассматривается в *Первом параграфе «Социологическая интерпретация медиа-этики: проблема контроля и самоконтроля»*. Во времена капиталистического расцвета производительных сил, когда для индивидуальной свободы человека, казалось, достаточно экономической независимости произошла своего рода субстанционализация коллективных отношений, образованных разделением труда. Наиболее устойчивыми связями среди них считались отношения в трудовых корпорациях. Именно промышленное производство, требующее организованности и согласованности действий многих и многих специалистов, рассматривалось площадкой формирования общественной культуры. Поэтому и утверждаемая на производстве профессиональная этика признавалась источником общественной морали, которая должна была выработать систему поведенческих образцов для всех членов общества. Соответственно, в этике на первое место была выдвинута проблема социального принуждения. В рамках этой парадигмы предельной целью человечества рассматривалась цивилизация, а мораль мыслилась как социальный институт, как совокупность устойчивых функциональных отношений.

Одним из выражений такого подхода является классическая теория масс-медиа в том ее виде, в каком она была сформирована в эпоху индустриального общества, ориентированного на массовое производство и потребление. Выпуском массового товара в промышленности поощрялись процессы технологизации, специализации, стандартизации. Те же процессы распространялись в культуре. Только они, масс-медиа, - традиционные СМИ - обеспечивали информации «субстанциональность бытия». Это достигалось через а) поточные профессионально-технологические способы ее обработки; б) освоенные профессионалами навыки управления (манипулирования) ею; в) интенсивность и регулярность циркуляции; г) разнообразие каналов передачи (аудио-; визуальные; печатные СМИ); д) масштабы вовлеченной в информационный обмен аудитории. Вплоть до второй половины XX века у кинематографа, ориентированного на кинотеатры, у книжного дела таких характеристик не было, поэтому они не рассматривались в качестве объекта медиа-этики. Типичными чертами обладала только профессиональная этика журналиста. «Не вполне» моральную природу этого феномена обнаруживает рассмотрение его в качестве атрибута организационного строительства. Иных оснований моральной философии медиа-пространство

классического модерна породить не могло: «другой», - «надинституциональной» - публичной сферы не было.

Закономерна и логика эволюции представлений о механизмах осуществления социального контроля, которая прослеживается в параграфе. Э.Дюркгейм считал проявлением цивилизационного прогресса то, что с ростом пространства индивидуальной жизни развивается административное право, усложняются функции государственного аппарата, который «призван объять органы, управляющие коллективной жизнью». С развитием массового общества, с вытеснением социальных элит на задний план и торжеством «среднего человека», в том числе и на политической арене, устами Х.Ортеги-и-Гасета государство, этот «самый явный и наглядный продукт цивилизации», провозглашается высшей угрозой. Оно уже не может рассматриваться гарантом социального контроля, в том числе и в сфере средств массовой информации. Авторитарная концепция прессы сменяется концепцией социальной ответственности с ее идеей саморегуляции журналистского сообщества, в том числе посредством профессионально-этических кодексов. Таким образом, понятие контроля трансформировалось в понятие самоконтроля. На примере отечественной журналистики в параграфе прослеживается, как либерализация политической системы в России влекла за собой смещение ориентиров с деонтологических требований к участникам коммуникации на «правила игры». Развитие информационного рынка сделало возможным утверждение «прикладной этики» - формы проявления «рациональной морали», возникновение которой, по мысли ее теоретиков, неизбежно в ходе модернизации общества.

Поиск способов перехода от социального института к личности знаменателен: без участия самости не добиться морального действия. Однако сама возможность такого перехода и представляет, по мысли автора исследования, ключевую проблему профессиональной этики, «социальной морали» в целом. Безличность является неизбежным, объективно обусловленным недостатком отношений, формируемых вокруг индустрии масс-медиа. Взаимодействие носит непреодолимый субъект-объектный характер. Индивидуальность участников коммуникационного процесса обречена оставаться вторичной характеристикой, и поэтому угроза ее вытеснения, подавления будет оставаться всегда. Косвенным доказательством этого служит то, что известные правила профессиональной этики журналиста, как это подробно показано в параграфе, «не работают» в пространстве Интернета, представляющем собой коммуникации новой волны,

которые организованы по другим канонам, нежели классические масс-медиа.

Социальный стандарт, который является исходным в организации и оценке эффективности журналистской деятельности, трудно повернуть лицом к нравственности. Гораздо легче - к праву, в первую очередь – к административному. Противоречия, которые при этом возникают, становятся заметны в конфликтных ситуациях. «Курск», «Норд-Ост», «Бедлан» - эти слова напоминают нам о событиях, которые войдут в отечественную историю сильнейших человеческих драм. Но эти события знаменательны еще и тем, что общество испытало повторный шок от непредвиденных последствий, как правило, наступающих тогда, когда предметом журналистского освещения становится человеческое горе. По свидетельству правоведов, понятия морального вреда и нравственных страданий не имеют строго юридического толкования и иметь не могут: они субъективны и следственным или судебным путем не доказуемы. Компенсация морального вреда осуществляется по логике возможного, а не наступившего вреда. *Возможное* в социологической парадигме практически не рассматривается.

Второй параграф носит название «**Антропологическая интерпретация медиа-этики и социальное знание: “взаимоисключающее взаимодополнение”**»? Субъектоцентристская парадигма, в которой моральные феномены рассматриваются как проявления свободы индивидуального духа, характерна прежде всего для самообоснования русского модерна. В XIX веке в философско-этических воззрениях российских мыслителей наиболее отчетливо проявила себя ментальная традиция феноменологического персонализма. На его основе «должное» рассматривалось как свободное служение духовной личности интериоризированному ею *Мы*. Этикоцентристские культуры, подобные российской, формируют и свое специфическое отношение к проблеме профессиональной этики в деятельности, предметом которых выступают отношения между людьми. Нравственными критериями деятельности отечественного журналиста служат скорее не корпоративные этические правила (принципы), ситуативно принятые, а *добродетели*, олицетворяющие некие положительные черты личности, глубоко укорененные в культуре. Если этические принципы структурируют деятельность, подчеркивают ее разнородность («профессиональная- непрофессиональная», «качественная-некачественная» и т.п.), то добродетели по отношению к деятельности имеют характер объединяющих целевых установок. Они «структурируют» не деятельность, а человека: «хороший-

плохой», «порядочный-непорядочный» и т.п. Иначе говоря, профессиональная мораль, а вслед за ней и профессиональная этика, отдаются в отечественной журналистике «делам совести». (Не будучи составной частью организационной культуры, «дела совести», поэтому легко могут быть вытеснены социальными интересами, что и происходит). В обозначенных координатах фокус зрения переносится с профессиональной этики как свода сформулированных принципов на профессиональную мораль – феномен с динамичным ценностно-нормативным содержанием. Профессиональная мораль здесь обретает исключительно личностное измерение, становится воплощением в мыслях и поступках жизненных нравственных правил той или иной личности в условиях данной профессии. Социальная журналистика превращается в журналистику «экзистенциальную». Особое назначение в мотивации поступков и обосновании позиции начинает отводиться глубоко прочувствованным, а значит, в полной мере аксиологически окрашенным, положительно-сакральным категориям Миссии, Выбора, Долга, Ответственности.

В параграфе подробно анализируется плодотворность такого подхода к профессии. Отмечается, что профессиональная общность на этих позициях – общность феноменологическая, «уверованная». Личностность, интеллигентность, порядочность как мотивационные принципы поступков журналиста призваны объединить приверженцев этих добродетелей в настоящее профессиональное братство. К сожалению, подобного рода общности недолговечны и зачастую беспомощны перед лицом «циничной реальности». Профессиональная мораль и соответственно профессиональная этика в предложенном понимании возможны только при высоко моральных участниках деятельности. Однако в масштабе всего журналистского сообщества это неосуществимо. В связи с этим неизбежна героизация персоналий, избравших дорогу риска. Именно их практика становится источником нравственного самоочищения «собратьев по перу». Отсутствие же «духовных лидеров» влечет за собой этический нигилизм основной массы журналистов-практиков, что можно наблюдать на примере СМИ России.

В контексте социально-философской проблематики обозначенная позиция обнаруживает проблему «взаимоисключающего взаимодополнения» (В.Е.Кемеров) социального и гуманитарного знания, которые репрезентируют по преимуществу обобщающие и по преимуществу индивидуализирующие подходы. В параграфе сформулированы три позиции, обнаруживающие наибольшее противоречие между этическими воззрениями и знаниями о социальной реально-

сти, между «внутренним» и «внешним» в изучении человеческого бытия. Спорной остается общая проблема сочетаемости 1) метафизики человека и «социальной метафизики»; 2) феноменологического и «натуралистического» подходов к реальности; 3) концептов историзма и трансцендентализма. Аргументация по этим позициям развернута в свете тезиса о том, что в предверии информационной эры, когда человечество обретет технологическое могущество, доступ к которому будет открыт через медиа практически для каждого, как никогда остро ощущается своевременность сближения социальной и моральной философий. Сегодня «ситуация человека» сфокусирована в пограничной области «между» социальным Я и моральным Я. В наши дни стало очевидно: как обществознание, столкнувшееся с кризисом коллективной идентичности на фоне глобализационных процессов, не может обойти стороной «ситуацию человека», так и этика, как бы сильно ни сказывалось на ней влияние антропологии, не может абстрагироваться от проблематики социальной жизни индивидов, выводящей на непростую проблему наших дней - проблему этического универсализма.

Третий параграф Проблема морали информационного будущего: от «Человека виртуального» - к «Человеку ответственно-му», заключающий исследование, начинается с тезиса о том, что «ситуация человека» не исчерпывается диалектикой общего и особенного, объективного и субъективного. Проблема существования и сущности – это, скорее, проблема соотносимости, взаимодополнительности образов рациональности как стратегий жизнедеятельности и смыслополагания. С одной стороны – рациональность «системы», представленная классической и неклассической картинами действительности. С другой – «рациональность» жизненного мира. Образ жизненного мира как *идея*, как *знание* изначально лишен своей инаковости, поскольку встроен в тотальное единство познающего и познаваемого бытия. Поэтому контуры «рациональности» жизненного мира, как отмечают исследователи, до сих пор фиксируются скорее негативно, через размывание контуров рациональности классической. Этот гносеологический тупик разрешается только в самой реальности, в которой нарушается диалектическая симметрия. Сопровождение бытия собственной тотализации, отделение самотождественного от Инакого возможно, только если оно исходит из Я как «движение трансценденции», которое мы познаем лишь по мере того как сами его создаем (Э.Левинас). Таким образом, жизненный мир рождается в интерсубъективном опыте и существует в нем. Поэтому

он принципиально непросчитываем, не детерминируется всеобщей историей.

В свете сказанного название главы «Информационное общество как жизненный мир» представляет собой на первый взгляд нечто вроде языкового оксюморона – сочетания несочетаемого. За этим «сочетанием» – непрекращающаяся борьба противоположностей, воплощающих в себе апоретичность современного сознания, отраженного в философских дискуссиях, которые не одно столетие сопровождают формирование дискурса модерна. С одной стороны – разум с его верой в разумность, бессмысленность мира, с его интересом к надсубъективным процессам, к самоподтверждению в изображениях и структурах бытия, с его устремленностью к «небу истины» и опаской овладеть «облаками заблуждения». С другой стороны – *иное* разума, попытка выйти за его пределы, попытка воссоединить мир и человека, отчужденного от его собственных деяний. Ради этого *иного* не прекращаются поиски утраченного дерационализованного опыта. Теоретики *иного* вынуждены искать радикальные меры. Не случайно Э.Левинас говорит об «иллюзии юности», о достижении интериорности жизненного мира через отказ соотношения внутреннего времени личностного опыта с историческим временем.

Взгляд через эту «иллюзию» неузнаваемо изменяет реальность. «Информационное общество» в соотношении с нормативностью жизненного мира предстает как людское со-общество. А это, в свою очередь, перенаправляет вектор его развития. В параграфе обозначенное понятие рассматривается с обращением к В.Тернеру, который рассматривает две модели человеческих объединений, выделяемых в соответствии с тем, каким образом осуществляется, ограничивается и координируется поведение людей. При этом речь не идет об известном идеально-типическом разделении объединений на *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*. Вслед за З.Бауманом нами рассматриваются два самостоятельных феномена, характеризующих разные стороны человеческой социальности – «структура» и «анти-структура». При этом сознание, сформированное во времена «картины мира», отдает безоговорочное предпочтение «структуре». В классическом мире традиционных медиа человек как субъект автономного действия, как субъект морального поведения подчас оказывается бессильным перед детерминизмом социальных интересов. Жизненные миры искажены, а в чем-то – изуродованы конкурентным обществом, в котором действительность предстает перед отчужденным индивидом как «картина незримого боя», плацдарм для разворачивания стратегий и тактик по захвату новых и новых сфер влияния. Средства ком-

муникации поставлены на службу ценностям «парадигмы силы». Между тем, те же средства коммуникации содержат потенциал, позволяющий достигнуть эффекта интериорности в масштабах любого сообщества. Медиа-пространство - это пространство для децентрированных мировоззрений, истины мифа, автономной силы созидания и значимости коммуникативного действия. Таким образом, новое «расширение человека» предстает в виде комплекса социальных, технологических и гносеологических предпосылок возможности снятия самоотчуждения индивида. И только необходимость эмансипации культурного сознания от уже существующей тотальности социальной системы, необходимость ценить реальность «антиструктуры» останавливает свободный выбор человека.

Делается вывод о том, что информационное будущее это одновременно и «общество», и «жизненный мир». Такое «двойное измерение» человека – его «микро-» и «макроуровни» - способен охватить, снимая отчуждение между ними, только феномен морали. Таким образом, автор исследования оспаривает точку зрения Ю.Хабермаса, что источником моральности в децентрированном мире является коммуникативное действие компетентных субъектов. Человеческая самость в принципе не может быть тематизирована до конца, в ней есть место *таинству* (Э.Левинас), обеспечивающему пространство свободы спонтанных поступков. Моральное сознание, которое не лишают права на аутентичность, видит источник моральности не в *ситуации*, не в *отношении*, не в коммуникативном *действии*, а в самом человеке, в его моральном *Я*. Коммуникативное действие, будучи элементом интерсубъективного пространства, не содержит в себе того напряжения выбора, которое отсылает индивида к предельным перспективам его существования. Коммуникативное действие связано с тактикой поведения и потому релятивно. В связи с этим оно должно быть дополнено способностью к моральному сознанию, которое формируется в соприкосновении с абсолютами человеческого существования, обнаруживающими бессилие целерациональных рассуждений и практик.

Также, как человек – это единство сущности и существования, мораль - это единство общего и особенного. Удержание «особенного» возможно только если не произошло отчуждения от индивидуального бытия. Удержание «всеобщего» возможно, только если этому индивидуальному бытию небезразличны судьбы мира. Медиа-этика призвана объединить в себе эти два уровня ответственности как два модуса человеческой субъективности: ответственность за *другого* и ответственность за мир и его будущее, поставленное под вопрос тем

образом информационного общества, который просматривается сегодня в деятельности средств коммуникации и в оправдывающих эту деятельность идеологиях.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Отмечается, что прослеженная в работе эволюция феноменов отчуждения, факт их распространения из мира телесных вещей на мир социализирующейся виртуально-знаковой предметности изменяет и представление о путях снятия отчуждения: на передний план выводится опыт сознания. От этого опыта зависит, какие формы социальности будут преобладающими. Если прежде – в условиях доминирования классических форм – стояла задача «подтянуть» индивидуальное начало под всеобщее в человеке, то теперь первоочередным является обратное: всеобщее может быть возрождено через обращение к идее человеческой самости. Поэтому сегодня, как никогда, актуальна проблема ее сохранения.

К информационному будущему нас приближает не готовность овладевать суперсовременными телекоммуникационными технологиями, а готовность жить в этом будущем. «Готовность», измеряемая мерой ответственности: конкретно-исторические формы отчуждения сущностных сил индивида «возвращаются» к нему лишь в том случае, когда тот способен подняться на уровень созданного им объекта, принять его как свое собственное деяние, быть ответственным за него. Медиа-пространство – это воплощение сущностных сил человека, релевантное по масштабу всей планете. Способность современного индивида к этой «ноше» определена эпохой модерна, которая наделила человека, «осужденного быть свободным», экзистенциальным чувством ответственности за мир и за самого себя в качестве способа бытия. На такого рода ответственности базируется «эсхатологическая идея суда» как возможная основа метакритики радикального модерна. На такого рода ответственности базируется и идея медиа-этики как метафизики информационного общества-сообщества, в котором утверждается приоритетность «ситуации человека».

Основное содержание и результаты исследования отражены в следующих публикациях:

1. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека» (Эволюция феномена отчуждения) / С.К.Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. - 308с.

2. Шайхитдинова С.К. О необходимости критической теории информационного общества / С.К.Шайхитдинова // Социально-гуманитарные знания.- 2004. - №5. - С. №5. С.327-338.
3. Шайхитдинова С.К. К понятию «коммуникация» / С.К.Шайхитдинова // Вестн. Воронежского госун-та. - 2004.- №2. - С. 132-148.
4. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «последствия модерна» / С.К.Шайхитдинова // Credo new: Теоретический журнал. - СПб. - 2004. - №1 (37).- С.80-109.
5. Шайхитдинова С.К. Социальные теории и этика: взаимоисключающее взаимодополнение? (К проблеме метода) / С.К.Шайхитдинова // Перспективы развития современного общества. М-лы Всероссийской науч. конф. - Ч.2. – Казань: Изд-во КГТУ(КАИ), 2004. - С.228-237.
6. Шайхитдинова С.К. Медиа: самоотчуждение человека / С.К.Шайхитдинова // Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал. М-лы УП междунар. науч.-практич. конф. Гуманитарн. ун-та 12-13 мая 2004 года. В 2-х т. – Екатеринбург, 2004. - Т.1.- С.416-419.
7. Шайхитдинова С.К. Журналистика не должна быть бизнесом / С.К.Шайхитдинова // Журналистика-2003: Обретения и потери, стратегии развития. М-лы науч.практич.конф. Москва, 3-6 февраля 2004. – М., 2004. - С. 283-285.
8. «Другой» в текстах массовой коммуникации: культурное многообразие или идеологическое противостояние? (Опыт методики определения толерантности-интолерантности в периодической печати) / Л.Сагитова, Е.Ходжаева, С. Шайхитдинова, С.Ерофеев // Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм: Бюллетень / Под ред. И. В. Кузнецова. – Краснодар, 2003.- Вып.4. - С. 25-46.
9. Шайхитдинова С.К. «Личное» и «общественное» в деятельности журналиста: компромисс или неразрешимое противоречие? / С.К.Шайхитдинова // Социальная ответственность журналиста: опыт современного прочтения проблемы. В 2-х ч. (Научное издание). - Ч.1. Межпрофессиональная экспертиза концепта и контекста / Под ред.Ю.В.Казакова. - М.: Издат. дом «Стратегия», 2003. - С.167-182.
10. Шайхитдинова С.К. Медиа-этика как предмет философского знания (Постановка проблемы) / С.К.Шайхитдинова // Тонус: Научный альманах.- Казань, 2003.- №8. - С.61-72.
11. Шайхитдинова С.К. Толерантность в СМИ: проблема подходов / С.К.Шайхитдинова // Журналистика в 2002 году: СМИ и реалии нового века. М-лы науч. практич. конф. Москва, 3-5 февраля 2003г. – М., 2003.- Ч.1. – С.117-119.

12. Шайхитдинова С.К. Информационная цивилизация и медиаэтика: постановка проблемы / С.К.Шайхитдинова // 300 лет российской журналистике. М-лы науч.практич. конф. Санкт-Петербург, 11 декабря 2002г. – СПб., 2003. - С.215-218.
13. Шайхитдинова С.К. Гносеология медиаэтики: организационная культура или «голос совести»? / С.К.Шайхитдинова // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10. Журналистика. - 2002. - №4. - С.25-51.
14. Шайхитдинова С.К. Журналист и общество/ С.К.Шайхитдинова // Медиа-творчество: Учебное пособие / А.Бастриков, Е.Дорошук, Л.Салмина и др. - Казань: Унипресс, 2002. - С.11-25.
15. Шайхитдинова С.К. Медиа-этика / С.К.Шайхитдинова // Медиа-творчество: Учебное пособие / А.Бастриков, Е.Дорошук, Л.Салмина и др. – Казань: Унипресс, 2002. – С.26-63.
16. Шайхитдинова С.К. «К социальной толерантности – через гражданское общество» как проблема рационализации российского менталитета / С.К.Шайхитдинова // Мы - сограждане (СМИ и общество) / Под общ.ред.Л.И.Семиной. - М., 2002. - С. 117-125.
17. Шайхитдинова С.К. Медиа-этика как «способ» рациональной организации медиапространства / С.К.Шайхитдинова // М-лы Международного конгресса «300 лет российской газете: От печатного станка к электронным медиа». – М.: Ф-т жур-ки МГУ, 2002.- С.221-223.
18. Шайхитдинова С.К. «Долг» и «ответственность» как понятийная репрезентация двух направлений исследования / С.К.Шайхитдинова // СМИ в современном мире. – М-лы науч.практич. конф. Санкт-Петербург, 24-25 апреля, 2002г. - СПб., 2002. – С. 157-158.
19. Шайхитдинова С.К. Наша журналистика живет по нормам нашего же здравого смысла / С.К.Шайхитдинова // На пути к профессионально правильному / Ю. В. Казаков. - М.: Центр прикладной этики, 2001. – С.632-641.
20. Шайхитдинова С.К. Этнонациональные ценности и ориентации культурной элиты Татарстана: опыт культурологического анализа свободных интервью / С.К.Шайхитдинова // Постсоветская культурная трансформация: медиа-этничность в Татарстане в 90-е годы. Науч. рецензент Л.М.Дробижева. - Казань, 2001.- 86-109.
21. Шайхитдинова С.К. Новая медиа-этика как способ экологизации информационной среды / С.К.Шайхитдинова // Инновации в социальных науках: будущее исследований и преподавания. – М-лы междунар. науч.-прктич. конф. – Казань, 2001. – С.92-93.
22. Шайхитдинова С.К. Медиа-этика. Определение понятия/ С.К.Шайхитдинова// Кибержурналистика в Казани: проблемы станов-

ления / Под ред. Е.С.Дорошук и В.В.Сыченкова. - Казань, 2000. - С.53-62.

23. Шайхитдинова С.К. Профессиональная этика журналиста в культурологическом дискурсе: к методу исследования / С.К.Шайхитдинова // Тонус: Научный альманах.- Казань, 2000. - №6. - С.16-24.

24. Шайхитдинова С.К. Этнокультурное и социальное в конфликтах со СМИ (К опыту использования кейс-метода) / С.К.Шайхитдинова // Тонус: Научный альманах.- Казань, 2000.- С.31-46.

25. Шайхитдинова С.К. Профессиональная этика как культурный феномен / С.К.Шайхитдинова // Средства массовой информации в современном мире. – Тезисы науч.практич.конф. –СПб., 2000.- С.209-211.

26. Шайхитдинова С.К. Персонализм как методология «субъективной журналистики» (К проблеме научного метода) / С.К.Шайхитдинова // Средства массовой информации: История и современность (Сб-к научных трудов) / Под ред. Л.П. Куракова, А.П.Данилова. - Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 1999.- С.144-155.

27. Шайхитдинова С.К. Экспертиза текстов массовой информации / С.К.Шайхитдинова. - Казань: Издат. центр КГУ, 1999. – 36с.

28. Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в Республике Татарстан) / С.К.Шайхитдинова // Кому принадлежит культура?: Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен / Отв.ред.С.А.Ерофеев. – Казань: Терраконсалтинг, 1999. - С.227-241.

29. Шайхитдинова С.К. Свобода и ответственность СМИ в контексте культуры / С.К.Шайхитдинова // Акценты: Альманах.- Воронеж,1998. - №3-4. - С.10-16.

30. Шайхитдинова С.К. Идеология и популярная культура как факторы мифотворчества / С.К.Шайхитдинова //Акценты: Альманах. – Воронеж, 1997.- Вып. 1. - С.15-23.

31. Шайхитдинова С.К. Мифическое в теории журналистики/ С.К.Шайхитдинова // Тонус: Научный альманах. - Казань, 1997. - С.32-40.

32. Шайхитдинова С.К. Журналистика и традиции. Постмодернизм как стиль / С.К.Шайхитдинова // Средства массовой информации в постсоветском обществе. Тезисы междунар. науч.-практич. конф. - Москва, 1997.- С.15-18.

33. Шайхитдинова С.К. «Паблик рилейшнз» и журналистика: подмена понятий? / С.К.Шайхитдинова // Журналистика и реклама:

Методическое пособие под редакцией Е.Дорошук.- Казань, 1997. - С.56-61.

34. Шайхитдинова С.К. Знакомьтесь: «мыльная» журналистика / С.К.Шайхитдинова // Средства массовой информации в современном мире. Тезисы науч. практич. конф. Санкт-Петербург, 23-24 апреля 1997г. СПб., 1997. - С. 31-32.

35. Шайхитдинова С.К. Теория и миф: к вопросу о методе / С.К.Шайхитдинова // Журналистика в переходный период: Тезисы международной науч. конф., Москва, 23-25 октября 1997г. В 5-ти ч.- М., 1997. - Ч. 4. - С.41-45.

36. Шайхитдинова С.К. Журналистика и мифотворчество: к вопросу о методе социокультурного анализа текстов массовой коммуникации / С.К.Шайхитдинова // Социальное знание: формации и интерпретации: М-лы междунар. науч.-практич. конф. Казань, 13-14 февраля 1996 г. - Казань, 1996. - С.98-106.

37. Шайхитдинова С.К. Журналистская деятельность как мифотворчество / С.К.Шайхитдинова // Акценты: Альманах. – Воронеж, 1996. - Вып. 2. - С. 15-23.

38. Шайхитдинова С.К. Культурная традиция как фактор мифотворчества в журналистике / С.К.Шайхитдинова // Тонус: Научно-публ. альманах. – Казань, 1996. - №1. - С.6-28.

39. Шайхитдинова С.К. Духовность и журналистика: возможно ли совмещение? / С.К.Шайхитдинова // Проблемы духовности и средства массовой информации на современном этапе. Тезисы Всероссийской науч.-практич. конф. Пенза, 29-30 ноября 1996г. - Пенза, 1996.- С.13-16.

40. Шайхитдинова С.К. Реклама как демонстрация чуда. «Русский проект» / С.К.Шайхитдинова // Реклама+масс-медиа+...: Методическое пособие / Под ред. Е.Дорошук. - Казань, 1996. - С.29-33.

41. Шайхитдинова С.К. К вопросу о духовности в массовой коммуникации / С.К.Шайхитдинова // Журналистика в 1994 году. Тезисы науч.практич. конф. - Ч.1.- М., 1995. - С.11-13.

42. Шайхитдинова С.К. Душевный конфликт как предмет журналистского исследования / С.К.Шайхитдинова // Журналистика в 1993 году. Тезисы науч.-практич. конф. В 3-х ч. - Ч.1. - М., 1994. - С.36-38.

43. Шайхитдинова С.К. Будущее как этический критерий в журналистском произведении / С.К.Шайхитдинова // Современные СМИ: истоки, концепции, поэтика. Тезисы науч. конф. - Воронеж, 1994. - С.42-44.

44. Шайхитдинова С.К. Ценностная ориентация как фактор системности в журналистике / С.К.Шайхитдинова // Вестн. Моск. ун-та. - Сер.10. Журналистика. - 1992. - №6. - С.83-86.

